„Про

В. В. Лункевичъ.

ДВА ЭСКИЗА

I. НЕВОЛЬНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГА.

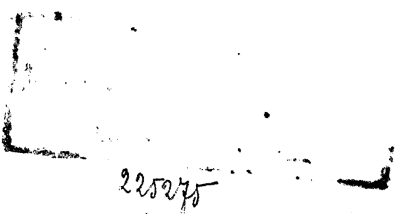
II. МУТЬ И НАКИПЬ.

ЖЕНЕВА 1908

I

Невольники Шлиссельбурга.

„Пров 49“

Рѣчь моя — о плѣнникахъ Шлиссельбурга...

Шлиссельбургъ... Вы слышали о немъ, объ этомъ лишь отчасти „раскрытомъ тайникѣ“: должно быть, много тайнъ — мрачныхъ, леденящихъ душу — умерло въ немъ и схоронено отъ суроваго суда потомковъ навсегда...

Шлиссельбургъ — двуликій янусъ русской жизни: тутъ нашъ позоръ и наша слава. Изъ вѣка въ вѣкъ будутъ нестись сюда проклятія и благословенія грядущихъ поколѣній: благословенія — страдальцамъ-узникамъ, проклятія — тюремщикамъ и палачамъ...

Тамъ, въ Шлиссельбургѣ, наша скорбь великая, тамъ же и наша радость, радость *о человѣкѣ*, о кристально-чистыхъ душахъ, о подвижникахъ, о безумно-храбрыхъ...

Исторія Шлиссельбурга — это исторія счетовъ и расправы самодержавія съ его личными врагами. А кто не врагъ ему? И некстати подвернувшійся претендентъ на престолъ, и зазнавшійся не въ мѣру любовникъ-временщикъ, и отступникъ отъ государевой вѣры, и пуще всего тотъ, кто имѣлъ дерзость не отождествлять интересовъ самодержавія съ интересами своей родины — всѣ они прошли сквозь дантовы ворота Шлиссельбурга, всѣ были тамъ — въ башняхъ, въ казематахъ, въ подземеліи его; но не многіе ушли обратно.

Оглянитесь назадъ, и передъ вами встанутъ тѣни прошлаго — изстрадавшіеся, замученные невольники Шлиссельбурга. Сначала — это коронованные узники: несчастная жена Петра Великаго, Евдокія Лопухина и едва

ли не болѣе несчастный, съ ранняго дѣтства не знавшій воли, претендентъ на царскій престолъ, Іоаннъ Антоновичъ; затѣмъ — опальные вельможи, слетѣвшіе съ верховъ благополучія и славы на положеніе шлиссельбургскихъ колодниковъ, а рядомъ съ ними — низы Россіи, представители крестьянскаго міра, сектанты и раскольники, *замуравленные*, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ клѣткахъ „безъисходной тюрьмы“ за отступничество отъ господствующей церкви; и, наконецъ, — плеяда „политическихъ“, идейныхъ враговъ самодержавія, начиная съ князя Галицина, задавшагося мыслью ограничить самодержавіе еще при Аннѣ Іоановнѣ, и кончая Коноплянниковой, убившей одного изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ стараго порядка, ген. Мина. Жертвы, возложенныя Россіей на алтарь двуединой правды, неисчислимы; но врядъ ли найдется что тяжелѣе тѣхъ жертвъ, которыя приносились въ стѣнахъ Шлиссельбурга. Еще въ царствованіе премудрой блудницы великой здѣсь томился одинъ изъ славныхъ сыновъ Россіи, Новиковъ: Екатерина II, начавши жизнь свою флиртомъ съ „науками и искусствами“, сошла затѣмъ на развеселое житье съ царедворцами и, отрезвившись отъ угара юныхъ увлеченій, поспѣшила загладить грѣхи молодости своей двумя великими актами: сослала Радищева въ Илимскій острогъ, а Новикова засадила въ Шлиссельбургъ. Вслѣдъ за Новиковымъ — уже волею Николая I — туда попали декабристы — суровый Пущинъ, мечтатель Поджіо, богато одаренные отъ природы, жизнерадостные братья Бестужевы, исполненный благороднаго энтузіазма семнадцатилѣтній юноша, почти мальчикъ, Раевскій. На смѣну декабристамъ явились другіе невольники... Но слава Шлиссельбурга, слава немеркнущая, міровая, начинается вмѣстѣ съ героическимъ періодомъ русской революціи, — точнѣе съ 80-хъ годовъ. За время отъ 1884

до 1906 года тутъ перебывало 70 человѣкъ; изъ нихъ: 15 умерло, 15 — казнено, 7 — покончили съ собой (четверо въ тюрьмѣ, а трое ужъ на волѣ), 4 — сошли съ ума, 5 — переведены въ акатуйскую тюрьму, 1 — Л. Волкенштейнъ — убита на манифестаціи во Владивостокѣ, а остальные — кто на волѣ, кто якобы на волѣ. Таковъ голый перечень фактовъ и цифръ. Но за цифрами здѣсь скрыта великая драма — драма жизни, драма души человѣческой. Попробуемъ понять хоть отчасти смыслъ этой драмы, попробуемъ оцѣнить хоть въ общемъ масштабѣ роль дѣйствующихъ лицъ ея.

* * *

Рѣчь моя о невольникахъ Шлиссельбурга... Но говорить о нихъ — значитъ говорить о герояхъ и героическомъ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ это знаменитый англійскій художникъ-мыслитель, Томасъ Карлейль.

„Почитаніе героевъ никогда не умираетъ и не можетъ умереть... Оно будетъ существовать вѣчно, пока будетъ существовать человѣкъ... Въ томъ, что человѣкъ поклоняется героямъ, я вижу живую скалу среди всевозможныхъ крушеній, единственную устойчивую точку въ современной исторіи, которая иначе представлялась бы бездонной и безбрежной“...

Такъ пишетъ Карлейль, и мы, конечно, готовы согласиться съ нимъ, откинувши кое-какія риторическія преувеличенія, характерныя вообще для писательской манеры этого оригинальнаго мыслителя. Поклоненіе героямъ и естественно и необходимо. Естественно, какъ дань тому богу, который составляетъ лучшую часть нашей собственной души; необходимо, какъ высшій и могучій

стимулъ къ совершенствованію. Вѣдь поклоненіе героямъ свидѣтельствуетъ о неумирающемъ въ насъ источникѣ благородства и рыцарской отваги. Безъ него жизнь была бы пустыней, могилой. А такъ она исполнена яркихъ красокъ, волнуетъ, манитъ сердце, смягчаетъ грусть, гонитъ прочь тоску и черный скепсисъ, бодритъ, окрыляетъ, учитъ любить и ненавидѣть страстно. Да, «почитаніе героевъ никогда не умретъ и не можетъ умереть»....

Развѣ мы не испытываемъ на себѣ обаянія великихъ людей? Развѣ мы не склоняемся благоговѣйно передъ именами, которыми гордится русское освободительное движеніе, предъ именами узниковъ Шлиссельбурга? Склоняемся, конечно, ибо носители этихъ именъ — герои въ карлейлевскомъ смыслѣ, передъ которыми не мыслимо не склониться. А по Карлейлю, „настоящій герой — всегда труженикъ... Его высшее званіе — слуга людей. Онъ — первый рабочій на поденномъ трудѣ своихъ согражданъ, первый мститель за неправду, первый восторженный цѣнитель всего благого. Если герой — общественный дѣятель, то ему нѣтъ покоя, пока хоть одинъ изъ его согражданъ голодаетъ; если онъ мыслитель — ему нѣтъ отдыха, пока хоть одна ложь считается не ложью".

Все это находитъ себѣ оправданіе въ мысляхъ и чувствахъ, въ дѣятельности и въ страданіяхъ плѣнниковъ Шлиссельбурга.

Ихъ жизнь на волѣ была сплошнымъ, самозабвеннымъ служеніемъ народу, идеѣ, добру. Возстановите у себя въ памяти, хотя бы въ видѣ легкихъ абрисовъ, фигуры шлиссельбуржевъ, основные моменты ихъ жизни и характера, и передъ вами развернется не „галлерея *узниковъ*", а галлерея подлинныхъ *героевъ*.

Вотъ Антоновъ. Онъ — въ шлиссельбургской кузницѣ

вмѣстѣ съ любимымъ ученикомъ своимъ, Карповичемъ. Высоко поднялся молотъ въ рукахъ его и съ ожесточеніемъ упалъ на раскаленное желѣзо. Гремитъ ударъ, исполненный гнѣва, вся въ искрахъ кузница. Такъ же ковалъ онъ когда-то, на волѣ, счастье своему народу, но не доковалъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ запали въ душу его подвиги „знаменитыхъ людей“ Плутарха — запали, освѣтили ее, подняли войной на людскую злобу и неправду и привели... въ кузницу Шлиссельбурга.

Вотъ Долгушинъ. Даровитая разносторонняя натура. Въ юности — благодушный, общительный весельчакъ, спортсменъ, страстный спорщикъ и пропагандистъ par excellence, особенно среди обычно неравнодушныхъ къ нему женщинъ. Затѣмъ — революціонеръ отъ всей души и навсегда, смѣлый, энергичный, беззавѣтно преданный идеѣ. Жизнь, полная приключеній и особенно злоключеній, мотала его по тюрьмамъ вплоть до Шлиссельбурга, гдѣ и покончилъ онъ съ нею всѣ счеты, измученный, изстрадавшійся, но все еще жизнерадостный, минутами весело подтрунивавшій надъ своими неудачами.

Вотъ и Лаговскій. Это, по словамъ людей, хорошо знавшихъ его, „была открытая душа, бурно преданная интересамъ общественнаго блага, готовая на безграничное самоотверженіе. Это былъ подвижникъ эпохи 70 годовъ, вынужденный жестокой россійской дѣйствительностью отдаться суровой работѣ разрушенія, когда всѣ струны его нѣжно-поэтической души звучали тоской по идеалу всеобщей любви“. Посмотрите на портретъ его. Сколько нѣжности, сколько тоски „по идеалу всеобщей любви“ въ этомъ глубоко-задумчивомъ взорѣ и сколько въ то же время какой-то напряженной муки въ складкахъ на лбу, въ скованныхъ недоумѣннымъ молчаніемъ губахъ!...

А Ашенбреннеръ? А Варынскій? А Поливановъ и Шебалинъ — эти стойкіе бойцы и идеальные товарищи?

А Морозовъ и Лукашевичъ, Фроленко и Поповъ? Тутъ такое обиліе сокровищъ ума и сердца, что не мнѣ, конечно, браться за возсозданіе ихъ: тутъ нужна кисть художника и тонкаго серцевѣда. Моя задача много скромнѣе: я отмѣчу еще лишь двѣ характерныя фигуры изъ числа только что названныхъ героевъ, а именно Фроленко и Морозова.

Оба — энергичные, выдающіеся дѣятели „Народной Воли“; оба — ровно по четверть вѣка провели въ стѣнахъ Шлиссельбурга, должно быть, какъ отмѣченные не только перстомъ божіимъ, но и перстомъ самодержавнымъ; оба одинаково стойко выносили всѣ муки заточенія и одинаково горячо были любимы товарищами по заключенію. Но по складу характера, по темпераменту и типу мышленія, это — до извѣстной степени антиподы, что не мѣшало имъ, конечно, итти рука объ руку, въ нерушимомъ братскомъ союзѣ, противъ общаго врага, во имя общаго дѣла.

Такова ужъ атмосфера подлинной революціи: тяготѣніе къ яркому, самобытному и равнодушіе къ шаблонамъ — ея неизмѣнный девизъ.

Фроленко — выходецъ изъ бѣдной семьи, видѣвшій много нужды и горя: онъ — „бунтовщикъ-разночинецъ“.

Морозовъ — воспитанникъ богатаго „дворянскаго гнѣзда“: онъ — „кающійся дворянинъ“.

Фроленко — принципіальный врагъ „теорій“, отвлеченныхъ разговоровъ и горячій поклонникъ „практики“, „дѣла“: цѣлыхъ восемь лѣтъ, говоря словами Фигнеръ, „онъ жилъ жизнью революціонной богемы, безъ постояннаго имени и пристанища, среди ряда странныхъ метаморфозъ и приключеній, герой и бродяга, не знающій, кѣмъ и чѣмъ онъ будетъ завтра, гдѣ и какъ кончитъ свое сегодня“. Лишь въ Шлиссельбургѣ — „на досугѣ“, надо полагать — отдался онъ вовсю работѣ

мысли, пересмотрѣлъ всѣ свои убѣжденія, начиная съ религіозныхъ, и даже ударился первое время въ метафизику.

Морозовъ съ юности мечталъ о карьерѣ ученаго, всегда любилъ теорію и особенно самостоятельное творчество въ ней; но одною наукой не удовлетворилась его богато одаренная, разносторонняя натура: страстный политикъ, романтикъ и мечтатель, онъ рвался за грани сѣренькой дѣйствительности, искалъ борьбы, жаждалъ подвиговъ и... остановился на исполненной тревогъ карьерѣ революціонера, чтобъ въ заточеніи вновь вернуться къ творческой работѣ мысли.

Фроленко — всегда дѣятельный, но уравновѣшенный и даже нѣсколько флегматичный, скептикъ и реалистъ, настойчивый и, пожалуй, упрямый въ своихъ самостоятельно надуманныхъ, всегда оригинальныхъ взглядахъ. Онъ даже съ Дарвиномъ не сошелся во мнѣніи и „развивалъ свою собственную теорію происхожденія организмовъ на землѣ“. „Въ мірѣ, гдѣ все приглажено и подчищено — говоритъ В. Н. Фигнеръ — гдѣ всѣ похожи другъ на друга, такой человѣкъ имѣетъ своеобразную привлекательность: онъ не похожъ на другихъ, и на всемъ свѣтѣ есть только одинъ, а не нѣсколько Фроленко... Другого подобнаго нѣтъ“.

„Не похожъ на другихъ“ и Морозовъ. Онъ не скептикъ. Онъ большой энтузіастъ, глубоко поэтическая душа, художникъ и пантеистъ не только по убѣжденію, въ теоріи, но и по непосредственному чувству. Это одинъ изъ тѣхъ, про которыхъ сказано:

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна...

Мысль его всегда оригинальна, какъ и у Фроленки: она безъ страха прошла сквозь горнило богатой эруди-

ціи, и все же осталась сама собой, не сдѣлалась похожею на другія мысли. Наоборотъ: въ непосредственномъ общеніи съ чужими теоріями, его собственныя теоріи отчеканились въ нѣчто отмѣченное печатью яркой индивидуальности. Перефразируя слова Фигнеръ, мы можемъ смѣло сказать: „На всемъ свѣтѣ есть только одинъ Морозовъ. Другого подобнаго нѣтъ".

Фроленко и Морозовъ — символы. Развѣ не символъ —этотъ бездомный и безъимянный „бродяга и герой", положившій весь непочатый запасъ своей энергіи на самыя рискованныя революціонныя предпріятія — положившій спокойно, съ безграничнымъ самоотверженіемъ своей великой души — и въ то же время мечтающій въ тюрьмѣ о школахъ и университетахъ, библіотекахъ и артеляхъ и сожалѣющій объ утратѣ наивной вѣры въ личнаго Бога, развѣ это не символъ русской революціи?

А склонившійся надъ Апокалипсисомъ и надъ книгой о строеніи вещества *илиссельбуржецъ — узникъ*, отдавшій молодость свою горячо любимой родинѣ, *преступникъ*, все преступленіе котораго есть высокій подвигъ — развѣ это не символъ русской жизни, отравленной ядомъ нелѣпыхъ противорѣчій?

Фроленко и Морозовъ — оба цѣльные, законченные, единственные въ своемъ родѣ, — гармонически дополняютъ другъ друга: говоря о первомъ, нельзя умолчать о второмъ, склоняясь всею душой передъ однимъ, нѣтъ силъ не склониться и передъ другимъ...

* * *

Возвращаюсь къ Карлейлю. Онъ говоритъ: „Горе герою, если онъ посмотритъ на жизнь, какъ на источникъ радостей или на поле своего возвышенія. Горе ему, если

онъ отступитъ отъ необходимости принять мученическій вѣнецъ за свои убѣжденія... Тогда онъ — уже не герой, а служитель мрака"...

Да, пока, къ сожалѣнію, въ той юдоли скорби и плача, которая именуется человѣческой жизнью, героизмъ и мученичество — неразлучные спутники: гдѣ героизмъ — тамъ обычно и естественная, роковая расплата за него, мученическій вѣнецъ. И герои Шлиссельбурга опять таки являются наглядною и яркой иллюстраціей этой мысли: вся жизнь ихъ въ заточеніи — одно сплошное мученичество. Даже слово „жизнь" какъ-то не подходитъ сюда: назовите это существованіе иллюзіей жизни, томленіемъ, прозябаніемъ, умираніемъ, какъ хотите, но только не называйте жизнью. Сѣро, однотонно, мучительно-однотонно шли дни за днями, шли мѣсяца, шли годы, нарушаемые лишь борьбой за элементарное достоинство человѣка, болѣзнью, съумасшествіемъ, смертью товарищей. Это нужно самому пережить, чтобы не только понять, но и просто обрисовать. „Люди, природа, краски, звуки, — все исчезло, пишетъ В. Н. Фигнеръ... Вмѣсто этого былъ сумрачный склепъ съ рядомъ таинственно замуравленныхъ ячеекъ, въ которыхъ томились невидимые люди, была зловѣщая тишина и атмосфера насилія, безумія и смерти". То же вы найдете въ описаніяхъ Волкенштейнъ, Поливанова, Новорусскаго, Сергѣя Иванова... Атмосфера насилія и, что убійственнѣе всего, атмосфера тишины, подневольнаго молчанія, царившаго въ Шлиссельбургѣ первые годы, когда немыслимо было слова молвить не только съ другими, но и о другихъ, когда на вопросъ объ участи другихъ, заключенныхъ тутъ же товарищей, отвѣчали звѣрскимъ: «не смѣть говорить о другихъ — здѣсь нѣтъ другихъ» — такая атмосфера врядъ ли можетъ быть чѣмъ-либо и когда-либо превзойдена.

Мудрено ли, что люди тутъ надламывались и тѣломъ и душой — хворали, умирали, метались какъ звѣри въ галлюцинаціяхъ, въ полупомѣшанномъ бреду, сходили вовсе съума? Мудрено ли, что люди особенно впечатлительные, какъ это было напр. съ Минаковымъ, бросали насильникамъ дерзкій вызовъ и прямо-таки напрашивались на смертную казнь?

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родимой сторонѣ,
Я вынести могу и муку
Жить въ вѣчно праздной тишинѣ,
Но прозябать съ живой душою,
Колодой гнить, упавшей въ илъ,
Имѣя умъ, расти травою —
Нѣтъ, это свыше моихъ силъ!

Такъ пѣлъ въ послѣдній разъ въ Шлиссельбургѣ Минаковъ любимую пѣснь свою, пѣлъ въ знакъ негодованія противъ гнетущаго тюремнаго режима, пѣлъ въ ту злосчастную минуту, когда пришелъ къ мысли своею смертью запечатлѣть чувство протеста, клокотавшее въ груди заживо погребенныхъ.

Другіе — увы, немногіе! — не сломились, а примирились съ неизбѣжнымъ для героевъ вѣнцомъ мученичества, и рѣшили

Терпѣть безъ укоровъ, страдать безъ проклятій,
Спокойно и скромно въ тиши угасать...

Но не легкая была это доля — „терпѣть безъ укоровъ, страдать безъ проклятій“ — не легкая и врядъ ли осуществимая. Та же В. Н. Фигнеръ, что написала только что приведенные два стиха, дала блестящую картину тѣхъ измѣнчивыхъ, порою бурныхъ переживаній, которыя имѣли мѣсто въ разные періоды проведеннаго

ею въ Шлиссельбургѣ 22-лѣтія. „Чего-чего не было за это время! — восклицаетъ она. И настроеніе христіанской мученицы, готовой все снести съ кротостью агнца... и ярость пантеры, заключенной въ клѣтку и грудью и когтями бьющейся въ ней, въ порывѣ неутомимаго желанія свободы... и безконечная снѣжная пелена, когда все застыло, все успокоилось и началось состояніе «безъ настроенія», безъ остраго страданія, когда думалось, что уже «свершилась судьба», и единственный исходъ— смерть"...

Или вотъ другая картина, вышедшая изъ подъ того же самаго пера — картина дивная, обвѣянная дыханіемъ глубоко изстрадавшейся, но и глубоко любящей души. „Часто — пишетъ В. Н. Фигнеръ — воображеніе рисовало мнѣ картину Верещагина: на вершинѣ утеса Шипки, въ снѣговую бурю, стоитъ недвижно солдатъ на караулѣ, забытый своимъ отрядомъ... Онъ сторожитъ покинутую позицію и ждетъ прихода смѣны... Но смѣна медлитъ... смѣна не приходитъ... и не прійдетъ никогда! А снѣжный буранъ крутится, воетъ и понемногу засыпаетъ забытаго... по колѣна... по грудь... и съ головой... И только штыкъ виднѣется изъ подъ сугроба, свидѣтельствуя, что долгъ исполненъ до конца. Такъ жили и мы, годъ за годомъ, и тюремная жизнь, какъ снѣгомъ, покрывала наши надежды, ожиданія и даже воспоминанія, которыя тускнѣли, стирались... Мы ждали смѣны, ждали новыхъ товарищей, новыхъ молодыхъ силъ... Но все было тщетно: мы старѣли, изживали свою жизнь, а смѣны все не было и не было"...

«Смѣна» пришла— вы знаете это. По прежнему крутится и воетъ снѣжный буранъ... Но «покинутыя позиціи» заняты молодыми силами. Вновь засыпаетъ снѣгомъ вѣрныхъ долгу часовыхъ... «по колѣна... по грудь... и съ головой». Но «смѣна», пришла, давно уже пришла,

только невольники Шлиссельбурга не знали этого — Карповичъ первый принесъ имъ радостную вѣсть съ воли — не знали, и жизнь становилась минутами въ тягость имъ, а смерть — желанною гостью.

И всетаки они не сломились. Правда, въ минуты особенно тяжкихъ сомнѣній, мысль ихъ тревожно вопрошала:

Ужели обиды души не ломаютъ
И лучшія чувства не рвутъ?

Старая истина: въ бурю могучія деревья не гнутся, а съ шумомъ валятся на земь; не гнутся отъ обиды и великія души, подобныя душамъ, томившимся въ Шлиссельбургѣ; не глохнутъ въ нихъ и „лучшія чувства“. Такова ужъ психологія героевъ вообще; такова и психологія героевъ-революціонеровъ. Она, эта психологія революціонера, полна глубокаго интереса и, по справедливому замѣчанію Фигнеръ, ждетъ еще своего изслѣдователя и художника. Однако сама же Фигнеръ прекрасно отмѣтила одну изъ характернѣйшихъ особенностей такой психологіи: это— мятежный, не укладывающійся въ тѣсныя рамки современной жизни, духъ, это — безконечное исканіе. Сознаніе глубокаго противорѣчія между „сущимъ“ и „должнымъ“, сознаніе, являющееся источникомъ вѣчной трагедіи души, составляетъ едва ли не доминирующій мотивъ въ душевныхъ переживаніяхъ революціонера, мотивъ, толкающій его на путь исканій и мятежа. Это—его обычное, нормальное состояніе, это — и святая святыхъ и животворное начало его души. Внѣ исканій, внѣ „мятежа“ — я вкладываю самое широкое содержаніе въ это понятіе! — жизнь представляется ему „ничтожною и глупою шуткой“. Отсюда та неугасаемая энергія и необычайная жизнедѣятельность, которая составляетъ типичный штрихъ въ натурѣ героевъ-революціонеровъ и ко-

торая заставляетъ ихъ пробѣгать всю скалу житейскихъ опасностей, отъ рискованнаго вплоть до безумно-храбраго; но отсюда же — и необычная скромность ихъ въ самооцѣнкѣ, та самая скромность, которая побуждаетъ героевъ искреннѣйшимъ образомъ недоумѣвать, за что ими любуются, за что ихъ почитаютъ; та самая скромность, которая побудила, напр., Новорусскаго написать о себѣ слѣдующія строки: „Никакой роли въ жизни я сыграть не успѣлъ — ни общественной, ни революціонной. И хотя сидѣлъ $18^1/_2$ лѣтъ подъ знаменемъ борьбы за торжество освободительныхъ и прочихъ идеаловъ, но всегда конфужусь, когда вижу свое имя на ряду съ настоящими борцами“...

Сознаніе глубокаго противорѣчія между „сущимъ“ и „должнымъ“, толкая революціонера на путь исканій и мятежа, заставляютъ его въ то же время осуществлять „должное“ не только въ работѣ на общую пользу, но и въ личной каждодневной практикѣ. Отсюда — еще одна характерная особенность въ психологіи героевъ-революціонеровъ: наряду съ ни передъ чѣмъ не останавливающеюся рѣшимостью, наряду съ холодною разсчетливостью и даже какъ будто излишнею жестокостью въ „дѣлѣ“, вы тутъ на каждомъ шагу наталкиваетесь на утонченную мягкость, на рѣдкое по силѣ и моральной красотѣ любвеобиліе. Я могъ бы иллюстрировать мысль свою сотнею примѣровъ изъ жизни шлиссельбургскихъ узниковъ: я могъ бы оттѣнить замѣчательную чуткость и отзывчивость, скрывавшуюся за изысканно-деликатнымъ обращеніемъ „маркиза“ — какъ называли въ шутку Морозова; я могъ бы отмѣтить то трогательное человѣколюбіе, ту безграничную доброту, которыми природа надѣлила суроваго и мрачнаго съ виду Антонова; я могъ бы разсказать цѣлый рядъ характерныхъ въ этомъ отношеніи эпизодовъ изъ жизни другихъ шлиссельбурж-

цевъ. Но... ограничусь лишь однимъ: скажу два слова о Людмиллѣ Александровнѣ Волкенштейнъ. По общему признанію шлиссельбуржцевъ и всѣхъ знавшихъ ее на волѣ, это была исключительная по человѣчности натура.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ воспоминаній Сергѣя Иванова и Вѣры Фигнеръ о Л. А. Волкенштейнъ.

„Всѣ больные тѣломъ или духомъ — говоритъ Ивановъ — какъ то инстинктивно тѣснились къ Л. А., всегда находя у нея сочувствіе, теплую дружескую ласку, утѣшеніе, какъ бы согрѣваясь и освѣщаясь лучами ея всеобъемлющей любви“... „Со слезами истиннаго горя сообщила она товарищамъ вѣсть о своемъ освобожденіи“ — продолжаетъ тотъ же Ивановъ. — „Какъ же я уѣду одна? — говорила она рыдая, какъ же я оставлю васъ здѣсь безъ надежды на освобожденіе?“ И на этотъ разъ уже намъ, остающимся, приходилось утѣшать и успокоивать ее“...

„Л. А. — пишетъ Фигнеръ — знала жизнь и знала людей и не идеализировала ни то, ни другое. Она ихъ брала такъ, какъ они есть — смѣсь свѣта и тѣни. За свѣтъ — она любила, а тѣнь — прощала... Ея незлобіе было удивительно: она ни на минуту на забывала тѣхъ условій, среди которыхъ мы жили въ Шлиссельбургѣ, и эти условія, въ ея глазахъ, вполнѣ объясняли и извиняли всякую раздражительность... — Всѣ мы нуждаемся въ снисхожденіи — было ея любимой поговоркой“.

„Не знаю, что давала я Л. А. — говоритъ Фигнеръ,— но она была моимъ утѣшеніемъ, радостью и счастьемъ... Этотъ другъ былъ воплощеніемъ нѣжности, доброты и гуманности. Всѣ сокровища своей любящей души она щедрой рукой отдавала мнѣ“...

И то же самое говорили о ней всѣ шлиссельбуржцы; то же самое сказалъ и Морозовъ въ своемъ стихотвореніи, гдѣ особенно сердечно звучатъ слѣдующія строки:

Была чарующая сила
Въ душѣ прекрасной и живой...
Есть въ мирѣ люди; ихъ встрѣчаешь
Лишь въ дни гоненій и утратъ,
Но міръ за нихъ благословляешь
И жизнь за нихъ отдать бы радъ!...

И этотъ „ангелъ свѣта“, опустившійся подъ своды мрачныя тюрьмы, этотъ добрый геній узниковъ Шлиссельбурга былъ и остался на всю жизнь непримиримымъ, безстрашнымъ и безпощаднымъ врагомъ „стараго порядка“ на Руси...

* * *

Вновь аппелирую къ словамъ англійскаго мыслителя. Карлейль говоритъ: „Герой — это источникъ мужества и благородства, распространяющій всюду свои лучи, въ сіяніи которыхъ всякая душа чувствуетъ себя хорошо“...

И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: „Великій человѣкъ, съ его свободной силой, исходящей изъ рукъ божьихъ, есть молнія... Все воспламеняется вокругъ этого человѣка, разъ онъ ударяетъ своимъ словомъ, и все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному“...

Да. Въ сіяніи лучей, исходящихъ отъ героя, всякая душа чувствуетъ себя хорошо... Все воспламеняется вокругъ такого человѣка, все пылаетъ огнемъ, подобнымъ его собственному... Красиво, сильно, по карлейлевски сильно сказано, и — главное — глубоко справедливо: обояніе героевъ непреоборимо, власть ихъ надъ движеніями лучшихъ струнъ души человѣческой велика.

На ярко-красочномъ фонѣ героическаго періода русской революціи отчетливо выдѣляются двѣ крупныя фигуры, обояніе и власть надъ людьми которыхъ особенно бросаются въ глаза: я говорю о Германѣ Александровичѣ Лопатинѣ и о Вѣрѣ Николаевнѣ Фигнеръ.

Глѣбъ Успенскій называлъ Лопатина „удалымъ добрымъ молодцемъ“. — „Вы знаете Лопатина? спрашивалъ онъ. — Это вотъ какой человѣкъ: сегодня онъ великому Карлу Марксу объяснитъ, что у него должно полагаться въ слѣдующемъ томѣ „Капитала“, а на завтра онъ у его степенства, Ѳедора Поликарпыча, главнымъ прикащикомъ будетъ орудовать, и хозяинъ въ ножки будетъ ему кланяться, просы продолжать коммерцію; а послѣзавтра нашъ Германъ Александровичъ на улицѣ знакомаго адвоката встрѣтитъ да подъ его именемъ, въ ближнемъ окружномъ судѣ, уголовное дѣло выиграетъ... Такъ вотъ кто такой Лопатинъ: это — точно самая сильная паровая машина, и только проведите приводъ отъ его головы къ любому дѣлу, и онъ начнетъ вамъ работать, какъ никто“...

Эта краткая характеристика — сама правда, отлитая въ присущую Успенскому художественную форму.

Глубокій, острый умъ и обширныя познанія, разносторонняя талантливость, природный юморъ, граничащій временами съ ѣдкою сатирой, непочатый уголъ энергіи, рѣдкая предпріимчивость и находчивость въ самыя, повидимому, безъисходныя минуты, смѣлость, переходящая порой въ дерзкую, безшабашную удаль, нетерпящее никакихъ оковъ свободолюбіе, и — что особенно характерно — неотразимая обоятельность, — всѣ эти качества Лопатина хорошо извѣстны всякому интеллигентному россіянину. А потому низко поклонившись „удалому доброму молодцу“, славному ветерану русской революціи, я остановлюсь въ заключеніе на другой не менѣе популяр-

ной и не менѣе обаятельной личности изъ плеяды славныхъ...

Многосложна душа, много мѣстъ въ ней больныхъ,
Не одна къ нимъ дороженька вьется...
Взять захочешь аккордъ, полный звуковъ живыхъ,
А глядишь — диссонансъ раздается...

Строки эти, оброненныя какъ бы мимоходомъ въ одномъ изъ стихотвореній Фигнеръ, служатъ ключемъ къ пониманію ея души.

Душа эта поражаетъ не только своею многосложностью, но и удивительной гармоніей, — тою жизненной гармоніей, на фонѣ которой такъ неизбѣжны, такъ понятны диссонансы.

Да и можетъ ли не быть диссонансовъ сейчасъ, при наличности и въ современной жизни и въ душѣ современнаго человѣка такого множества „больныхъ мѣстъ“ и такого множества вьющихся къ нимъ „дороженекъ“? Душевная гармонія — *тамъ, гдѣ имѣешь дѣло съ недюжинной волей, строгою совѣстью и суровою логикой*, — обязываетъ къ страданію; страданіе огненною нитью вплетается въ сложную ткань души и, исторгая изъ нея порою диссонансы, освѣщаетъ ее и спаиваетъ въ нѣчто цѣльное, законченное, подобное мрамору Кановы или Антокольскаго. И такова на самомъ дѣлѣ Вѣра Фигнеръ. На вопросъ: что̀ характернаго въ ея натурѣ — можно смѣло отвѣтить: то именно и характерно, что *все* въ ней характерно. На вопросъ: въ чѣмъ спеціальное дарованіе ея — можно, ни минуты не колеблясь, сказать: вся она соткана изъ дарованій, гармонично ограничивающихъ другъ друга и сливающихся въ высшемъ синтезѣ — *человѣкъ*...

Мысль ея всегда самостоятельно шла къ выработкѣ убѣжденій, въ которыхъ все, до неизбѣжнаго логическаго

конца, глубоко продумано и органически вросло въ сложный лабиринтъ сознанія.

Чувства ея, всегда сильныя и всегда проникнутыя искренностью, не знающей и тѣни фальши, такъ же, какъ и мысль ея, безбоязнено развертывались до своего неизбѣжнаго конца; причемъ суровая логика мысли созвучно сочеталась съ роковою логикой чувства, а надъ всѣмъ этимъ царилъ категорическій императивъ безгранично строгой и чуткой совѣсти, которая вѣчно толкала на соглашеніе дѣла со словомъ, на дѣйствія отвѣтственныя, на подвигъ, на самопожертвованіе. „Я, говоритъ В. Н. Фигнеръ, не могла съ спокойной совѣстью предлагать участіе въ насильственныхъ поступкахъ, если бы сама не участвовала въ нихъ... Я считала прямо подлостью толкать другихъ на тотъ путь, на который не шла бы сама".

И она дѣйствительно всюду шла сама. Вся жизнь ея на волѣ, до Шлиссельбурга, слилась нераздѣльно съ судьбой революціоннаго движенія 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Вожакъ и одновременно рядовой солдатъ, руководитель и вмѣстѣ съ тѣмъ чернорабочій, Вѣра Фигнеръ прошла и продѣлала всѣ фазы этого движенія, начиная съ увлеченій мирною пропагандой и кончая терроромъ. И всюду она являлась душою дѣла, всюду служила увлекающимъ примѣромъ, всегда была въ авангардѣ, всегда стремилась занять наиболѣе опасный постъ. Все это вмѣстѣ взятое — и гармонія мысли съ чувствомъ, слова съ дѣломъ, поведенія съ совѣстью, и выдержка характера, свидѣтельствующая о сильной, желѣзной волѣ, и гибкій, блестящій умъ, и тонкое умѣніе подойти къ человѣку, и цѣлый рядъ чисто внѣшнихъ достоинствъ, — все это подкупало, очаровывало, иногда съ перваго слова, съ перваго взгляда. „Всюду, гдѣ бы ни появлялась В. Н. — пишетъ товарищъ Фигнеръ по Шлиссельбургу

Серг. Ивановъ — а появлялась она въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ, въ парадныхъ гостинныхъ, въ кружкахъ учащейся молодежи, въ квартирахъ рабочихъ — всюду она не только пользовалась успѣхомъ, но вызывала поклоненіе. Всѣ студентки, по выраженію Плеве, „были отъ нея безъ ума“. Въ литературныхъ кругахъ Петербурга, гдѣ собирались сливки русской передовой журналистики, ее встрѣчали съ величайшимъ уваженіемъ, съ любовью и прямо гордились ея посѣщеніями. Еще большее, пожалуй, впечатленіе производила она въ кружкахъ военныхъ, гдѣ ее положительно носили на рукахъ“...

Такая женщина можетъ смѣло, высоко поднявши голову, войти въ пантеонъ героевъ Томаса Карлейля; а мы, россіяне, съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, можемъ сказать: это — *русская женщина*....

* * *

Когда пала Бастилія, то въ числѣ освобожденныхъ французскимъ народомъ узниковъ оказался одинъ сѣдой, измученный старикъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ цѣлыхъ 25 лѣтъ.

Упоминая объ этомъ фактѣ, Томасъ Карлейль заявилъ, что всѣ ужасы французской революціи искупаются страданіями этого несчастнаго старца.

А что сказалъ бы благородный англійскій мыслитель, если бы ему привелось услышать о страданіяхъ нашихъ шлиссельбургскихъ „стариковъ“? Какія горы негодованія, гнѣва и мести онъ оправдалъ бы, если бы узналъ о слѣдующихъ сценахъ, не разъ разыгрывавшихся подъ сводами Шлиссельбурга?

Въ камерѣ раздается легкій стукъ. Отвѣтомъ ему служитъ такой же стукъ изъ сосѣдней камеры: узники „переговариваются“. И вдругъ — двери ихъ камеръ приходятъ въ сотрясеніе отъ страшныхъ ударовъ, а въ корридорѣ раздается несносный, рѣжущій нервы визгъ желѣза. Подымается адская музыка: человѣкъ 6 здоровенныхъ унтеръ-офицеровъ бомбардируютъ полѣньями двери камеръ и скоблятъ, что есть мочи, кочергой по желѣзу корридорной печи, чтобы не дать узникамъ возможности перестукиваться; а запертые въ камерахъ, измученные люди отвѣчаютъ, неистово стуча кулаками и ногами, единственными орудіями, которыя у нихъ еще не догадались отнять. По обѣ стороны дверей, снаружи и внутри, люди въ бѣшенствѣ. Сцена жестокая, дикая... Однако вскорѣ за нею слѣдуетъ другая сцена, еще болѣе жестокая, еще болѣе дикая: „адская музыка“ смѣняется пытками средневѣковья. Въ камеру, откуда впервые раздалось постукиваніе, врывается съ руганью стража. Узникъ протестуетъ. Тутъ, по знаку смотрителя, на него набрасываются, валятъ на полъ, бьютъ, надѣваютъ сумасшедшую рубаху и привязываютъ на нѣсколько часовъ къ койкѣ, вложивши въ ротъ деревяшку, чтобы не кричалъ. „Что вы съ нимъ дѣлаете“ — кричатъ сосѣди. Тогда „адъ и пытка“ водворяются въ другихъ камерахъ. Суматоха становится невыразимая. Слышатся крики, топотъ, свалка и хрипъ лежащихъ съ деревяшками во рту... (См. Воспоминанія Фигнеръ и Волкенштейнъ).

Пусть читатели простятъ мнѣ. Я вовсе не хочу бить ихъ по нервамъ. Да, потомъ, вѣдь нервы наши за послѣдніе годы неслыханныхъ еще на свѣтѣ ужасовъ порядкомъ таки притупились... Такъ что не въ нервахъ и не въ игрѣ на нихъ тутъ дѣло: мнѣ хочется знать, что сказалъ бы знаменитый мыслитель Англіи — мысли-

тель съ глубокою душой и съ рыцарскими понятіями о совѣсти и чести — что сказалъ бы онъ, когда ему представили бы во весь ростъ муки больныхъ и умирающихъ шлиссельбуржцевъ и муки ихъ пока еще здоровыхъ, но безсильныхъ помочь товарищей? Вотъ за стѣнкой раздается стонъ умирающаго... Доносятся звуки агоніи, тяжелой, долгой, порою нестерпимо долгой. И нѣтъ силъ помочь несчастному, сказать ему хоть слово, обмѣняться хотя бы участливымъ взглядомъ... Что можетъ быть мучительнѣе этихъ мукъ? „Тяжело быть *свидѣтелемъ* разставанія человѣка съ жизнью, говоритъ Фигнеръ; но еще тяжелѣе и страшнѣе быть пассивнымъ, замурованнымъ въ каменный мѣшокъ *слушателемъ* такого разставанія“...

И вотъ что ужаснѣе всего. Мысль о больныхъ и умирающихъ товарищахъ по пятамъ преслѣдовала всѣхъ пока еще здоровыхъ: отъ нея нельза было спастись, некуда было укрыться; напоминанія о болѣзни и смерти били прямо въ глаза на каждомъ шагу, даже въ минуты непродолжительныхъ прогулокъ въ небольшой клѣткѣ, именовавшейся дворомъ. „На снѣгу, справа и слѣва, пишетъ Фигнеръ, виднѣлась алая, только что выброшенная кровь... Это символъ изсякающей жизни, — жизни товарища, которому не поможетъ никакая сила человѣческая... Отвратительно было это палачество, которое нѣсколькими ударами лопаты могло скрыть кровавый слѣдъ, но цинично выставляло его на муку и поученіе невольныхъ посѣтителей“...

А не поддающіяся описанію картины самоубійства и съумасшестнія, при воспоминаніи о которыхъ душа буквально цѣпенѣетъ, и не знаешь, чему удивляться — выносливости ли людей, оставшихся не поврежденными въ обстановкѣ сверхчеловѣческихъ испытаній, или цинизму и „палачеству“ тѣхъ, что создали и съ вдохно-

веніемъ истинныхъ виртуозовъ поддерживали эту обстановку!

Куда, въ какія дебри забвенія упрячешь призраки несчастныхъ, потерявшихъ умъ въ казематахъ Шлиссельбурга?

Вотъ Щедринъ. Онъ не можетъ спать, онъ неистовствуетъ и день и ночь: жандармы заглядываютъ непрерывно въ дверной глазокъ его камеры... они задались цѣлью изсушить такимъ образомъ его умственныя способности. Изсушили уже половину головы... Надо во что бы то ни стало спасти другую половину, надо не давать имъ смотрѣть на нее... И вѣдь если бы это были обыкновенные жандармы... Нѣтъ, — они особенные, знающіе всю современную науку... Отъ нихъ не убережешься... И несчастный безумецъ буйствуетъ, стараясь избѣжать „изсушающихъ“ жандармскихъ взоровъ, стараясь задѣлать дверной глазокъ въ своей клѣткѣ. А его не считаютъ больнымъ, его вяжутъ, сажаютъ въ темный, сырой карцеръ, его бьютъ. И это длится годы, пока больной не впадаетъ въ безнадежный идіотизмъ... Тогда... повѣрили.

Дальше... опять призракъ, блѣдный, завороженный безуміемъ призракъ Похитонова. Боже! Во что превратилъ Шлиссельбургъ этого молодого, умнаго, жизнерадостнаго, блестящаго офицера! „Померкъ разумъ, исчезла логика... Ни мысли... ни чувства... ни даже правильныхъ инстинктовъ“... Вотъ онъ съ пустою наволочкой на плечахъ, выходитъ въ корридоръ, приближается по очереди къ камерамъ товарищей и дѣланнымъ, дребезжащимъ голоскомъ на подобіе каликъ перехожихъ, распѣваетъ — „подайте милостыньку, Христа ради“: онъ собираетъ „милліоны, билліоны рублей“ на дѣло революціи... Это смѣняется религіознымъ бредомъ, припадками буйства, стремленіемъ къ самоубійству. Въ

одну изъ такихъ минутъ въ камеру Похитонова входитъ Лукашевичъ и видитъ: „два жандарма вяло и нерѣшительно держатъ больного за ноги; онъ лежитъ на половину подъ койкой, крѣпко схватившись одной рукой за желѣзный переплетъ ея, а другой стараясь проткнуть себѣ грудь остріемъ ножки... Жандармы его вытащили изъ подъ койки такъ, что онъ только руками держался за нее, а тѣло его повисло въ воздухѣ, и онъ не переставалъ вырываться. Вдругъ онъ закричалъ раздирающимъ голосомъ: „Батько! ты видишь, какъ они меня мучаютъ! Порази ихъ всѣхъ!“... Затѣмъ онъ на нѣсколько мгновеній успокоился. Озираясь кругомъ, онъ вдругъ увидѣлъ Лукашевича и, перекрестившись, взмолился: „Заклинаю васъ вашей матерью, умоляю васъ всѣмъ, что вамъ дорого, — размозжите мнѣ голову или грудь круглякомъ!“...

Гдѣ, откуда взять силы, чтобъ не согнуться благоговѣйно до земли при мысли о *такихъ* мученіяхъ, чтобы не разразиться громомъ проклятій при мысли о *такихъ* мучителяхъ?!

Совѣсть благороднаго англичанина смутилась, когда узналъ онъ объ узникѣ Бастиліи, и онъ послалъ благословенія гнѣву французскаго народа. На что же благословилъ бы онъ русскій народъ, услышавши объ узникахъ Шлиссельбурга?

Карлейлю показались вѣчностью двадцать пять лѣтъ заточенія въ Бастиліи и, во имя этой вѣчности, онъ оправдывалъ всѣ ужасы французскаго террора. А знаете ли вы, что знаменитый польскій патріотъ и революціонеръ — суровый съ виду, непоколебимо правдивый, самоотверженно преданный свободѣ и родинѣ Валеріанъ Лукасинскій провелъ непрерывно въ тюрьмѣ почти вдвое больше, чѣмъ бастильскій узникъ? Цѣлыя сорокъ шесть лѣтъ не видѣлъ онъ воли, да такъ и умеръ, не

увидавши ее, 82-лѣтнимъ старцемъ въ Шлиссельбургѣ, гдѣ просидѣлъ въ знаменитомъ „подземеліи“ ровно 37 лѣтъ! Какими же ужасами гнѣва должно откликнуться сердце русскаго народа на такое преступленіе?!...

* * *

Рѣчь моя была о невольникахъ Шлиссельбурга. Велась она все время въ тонѣ апологіи. Иного отношенія къ шлиссельбуржцамъ и не можетъ быть.

Пройдутъ вѣка. Весь міръ обновится. Взойдетъ солнце правды и надъ нашей грѣшною страной. Многое простится ей. Многое забудется и быльемъ поростетъ. Но культъ героевъ останется. Не померкнетъ слава и шлиссельбургскихъ узниковъ. И если лѣтописецъ грядущихъ временъ, повѣствуя о герояхъ Шлиссельбурга, захочетъ, въ порывѣ лукаваго суемудрія, уподобить ихъ вымышленнымъ богатырямъ сказокъ и легендъ и, слѣдуя примѣру нѣмецкаго поэта, начнетъ свою повѣсть о шлиссельбуржцахъ словами — „Am Anfang war Mythus, Въ началѣ былъ миѳъ“, — то встрепенется вся природа, и слово „миѳъ“ откликнется въ ней, тысячекратнымъ эхомъ разливаясь по землѣ, словами: — Нѣтъ, не миѳъ, а быль — поэтическая, величественная, преисполненная трагизма быль...

II

Муть и накипь.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ СОВРЕМЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ.

Начну со словъ одного изъ „героевъ“ переживаемаго нами момента, со словъ арцыбашевскаго Санина.

Онъ говоритъ: „Каждый мигъ жизни даетъ свое новое слово... и это слово надо услышать и понять, не ставя себѣ заранѣе мѣры и предѣла“.

И я, наслышавшись о „новыхъ словахъ“ нашихъ дней, хочу понять эти слова, хочу понять ихъ, „не ставя себѣ заранѣе мѣры и предѣла“.

Но тутъ мнѣ приходитъ на память нѣсколько, правда, далеко не новыхъ, однако безспорныхъ истинъ.

Истина первая: не все то молодо, что молодо годами — и наоборотъ.

Другая истина: не все то ново, что подается подъ новымъ соусомъ.

Отсюда выводъ: будьте мудры, какъ зміи, и дальнозорки, какъ орлы — не дѣлайте изъ молодого и новаго фетишей, ибо „молодое“, въ свѣтѣ анализа, можетъ оказаться довольно-таки подержаннымъ и истрепаннымъ „старымъ“, а „новое“ — *всего лишь мутью и накипью на взбаломученномъ морѣ общественныхъ и личныхъ переживаній.*

Согласитесь, что истины мои не увлекательны съ виду: нѣтъ въ нихъ ни блеска ослѣпительнаго, ни оригинальности всепокоряющей. Но, грѣшный человѣкъ, люблю я ихъ, эти простыя, испытанныя въ словесныхъ схваткахъ, старыя истины — люблю и потому беру съ собой въ дальнѣйшій путь, чтобъ хоть немного разобраться во вновь загорѣвшемся у насъ конфликтѣ между „старымъ“ и „молодымъ“.

Сперва — два слова о томъ фонѣ, на которомъ „молодое“ расписываетъ свои стильно-модернистые узоры.

Фонъ грустный — реакція по всѣмъ линіямъ жизни; и особенно — въ области духа, какъ результатъ перенапряженія душевной энергіи. На реакціи духа намъ и слѣдуетъ остановиться.

Она сказывается въ различныхъ направленіяхъ: во первыхъ, въ потребности отдохнуть, вернуть утраченное душевное равновѣсіе, разобраться въ пережитомъ; затѣмъ — въ какой-то злобной и злорадной потребности сжечь все то, чему еще вчера поклонялся, переоцѣнить всѣ цѣнности, пойти по новымъ путямъ мысли и жизни; и, наконецъ, въ потребности острыхъ, жгучихъ, неизвѣданныхъ ощущеній, такихъ ощущеній, которыя способны были бы возбудить притупившуюся донельзя впечатлительность, дать толчекъ оцѣпенѣвшей мысли.

Всѣ эти разнообразныя проявленія душевной реакціи толкуются у насъ, какъ *революція* духа, какъ бунтъ разума и чувства противъ традиціи и условности, какъ стремленіе „самоцѣльной“ личности освободиться отъ оковъ, наложенныхъ на нее индивидуальностями высшаго порядка — семьею, обществомъ, государствомъ; однако, далеко не всѣ они заслуживаютъ такой рыцарски высокой квалификаціи.

Всѣ только что перечисленныя формы „реакціи духа“, будучи предметомъ многочисленныхъ увлеченій и подражаній, служатъ до извѣстной степени яблокомъ раздора между современными „отцами“ и „дѣтьми“; но далеко не всѣ они стоятъ такого ревностнаго и даже страстнаго къ себѣ отношенія: продуктъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, онѣ однако представляютъ весьма различную общественную и моральную цѣнность.

Въ самомъ дѣлѣ.

Потребность „отдохнуть, разобраться въ пережитомъ, вернуть утраченное равновѣсіе“ — вполнѣ законна, естественна и для многихъ безусловно необходима.

Послѣдніе годы — Sturm und Drangperiod русскаго освободительнаго движенія — сопровождались тратою громаднаго запаса душевныхъ силъ. Щедро, по юношески-щедро, расточались силы эти направо и налѣво, разжигая энтузіастовъ, воодушевляя равнодушныхъ, подымая духъ сомнѣвающихся и колеблющихся; расточались — не въ укоръ будь сказано — внѣ предвидѣнія мрачныхъ перспективъ, не всегда цѣлесообразно и почти сплошь неэкономно: не до „экономіи“ тутъ было, разумѣется. Все сдвинулось съ мѣста; пошатнулись стѣны Іерихона; казалось, давно желанная мечта вотъ-вотъ осуществится, и наболѣвшая душа найдетъ полное умиротвореніе. *Личное, индивидуальное цѣликомъ потонуло, растворилось въ общемъ, коллективномъ.* Дальше... и движеніе и отвѣчающая ему психологія пошли вспять: стѣны Іерихона оказались болѣе устойчивыми, чѣмъ это думалось раньше, въ минуты растерянности поставленной у Іерихона стражи. Оправившись отъ ошеломившаго ее удара, „стража“ принялась подпирать надтреснутыя стѣны тѣлами „безумно-храбрыхъ“. Это въ свою очередь послужило поводомъ къ новымъ затратамъ душевной энергіи: сердце забилось учащеннѣе, кровь ударила въ голову, нервы заговорили во всю, душа затрепетала... и люди утомились, устали — устали и физически и морально — захотѣли отдыха. *Личное, индивидуальное, потонувшее было въ общемъ, въ коллективномъ, вновь дало знать о себѣ — поднялось съ глубинъ души, заговорило о своихъ правахъ, потребовало и своей доли участія въ жизни.* Правда, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло не

обошлось безъ эксцессовъ и, какъ увидимъ дальше, безъ крикливыхъ, каррикатурныхъ выпадовъ по адресу „коллективнаго“ во имя якобы „индивидуальнаго“. Однако, повторяю, потребность отдохнуть и, что важнѣе всего, вернуть душевное равновѣсіе, утраченное въ дни страстной борьбы и нечеловѣческихъ усилій, вполнѣ законны.

То же—и относительно потребности „разобраться въ пережитомъ“ и связанной съ нею „революціи духа“.

„Революція духа“ — вещь вполнѣ законная и очень полезная: вѣдь въ ней, въ этой самой „революціи духа“, и источникъ высокаго наслажденія, и залогъ безконечнаго развитія. Господь, прикомандировывая Мефистофеля къ Фаусту, мотивировалъ свое рѣшеніе словами:

Des Menschen Thätigkeit kann allzuleicht erschlaffen,
Er liebt sich bald die unbedingte Ruh;
Drum geb ich gern ihm den Gesellen zu,
Der reizt und wirkt und muss als Teufel schaffen.*)

И вы, конечно, понимаете, что на этотъ разъ всеблагой старикъ оказался болѣе обычнаго дальновиднымъ, ибо безъ содѣйствія Мефистофеля, — а онъ вѣдь духъ отрицанья, духъ сомнѣнья!—никакой революціи въ области духа не произведешь, а будешь безъ конца топтаться на мѣстѣ, обростая плѣсенью и мхомъ.

Но вотъ вопросъ. Спрашивается: кто дѣлаетъ у насъ сейчасъ „революцію духа“, какъ дѣлаетъ и во имя чего дѣлаетъ?

---

*) То есть, въ переводѣ Холодковскаго:

Слабъ человѣкъ: онъ часто засыпаетъ,
Стремясь къ покою — потому
Дамъ безпокойнаго я спутника ему:
Пусть вѣчно дѣйствуетъ и къ дѣлу возбуждаетъ.

Все, пережитое за послѣднее время русскимъ обществомъ, досталось ему нелегко и не пройдетъ, конечно, безслѣдно.

Потребность оріентироваться въ пережитомъ и хотя бы нащупать ближайшія перспективы будущаго — составляетъ едва ли не самую животрепещущую задачу данной минуты. Наиболѣе серьезные, наиболѣе вдумчивые и наиболѣе дѣйственные элементы нашей интеллигенціи стоятъ сейчасъ передъ русской дѣйствительностью съ глубокимъ по значенію, тревожнымъ вопросомъ на устахъ: *какъ быть дальше?* Они очень желали бы использовать возможно цѣлесообразнѣе недавній опытъ, они очень хотѣли бы не повторять допущенныхъ ими ошибокъ. Слѣдовательно, если не „переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“, то во всякомъ случаѣ *критическая оцѣнка* даннаго момента занимаетъ не мало мѣста въ умахъ тѣхъ „вдумчивыхъ и дѣйственныхъ элементовъ“ русскаго общества, о которыхъ я только что упомянулъ; тутъ, такъ сказать in potentia, допустимы и исканіе новыхъ формъ жизни, и тяготѣніе къ новымъ путямъ борьбы, если таковые послѣ всесторонняго обсужденія окажутся дѣйствительно неизбѣжными и необходимыми; но de facto пока еще не извѣстно, что скажутъ вдумчивые элементы нашего общества на вопросъ—какъ быть дальше? И, быть можетъ, даже рано ждать сейчасъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но не такъ, очевидно, думаютъ люди, которые, въ гордомъ сознаніи собственнаго великолѣпія, считаютъ себя способными въ любую минуту дать всеисчерпывающій отвѣтъ на самый „проклятый“ вопросъ. И такихъ великолѣпныхъ людей, успѣвшихъ двумя-тремя ударами огненной мысли своей „переоцѣнить всѣ цѣнности“ и стать у истока „новыхъ путей“,

развелось у насъ за послѣднее время довольно таки изрядное количество: о нихъ-то — *и только о нихъ* — и будетъ у меня рѣчь въ этомъ эскизѣ.

Не надо, конечно, думать, будто *вся* русская молодежь ударилась въ „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“ въ томъ великолѣпномъ смыслѣ, о которомъ только что говорилось. Но уклонъ, „устремленіе“ въ эту сторону — на лицо. Это „устремленіе“ имѣетъ въ литературѣ цѣлую плеяду своихъ жрецовъ и корифеевъ, имена которыхъ извѣстны сейчасъ всей интеллигентной Россіи: Георгій Чулковъ, Левъ Шестовъ, Соллогубъ, Арцыбашевъ, Андрей Бѣлый, Александръ Блокъ, Вячеславъ Ивановъ, Зиновьева-Аннибалъ, Кузминъ, Каменскій и т. д. Кто не слыхалъ объ этихъ пророкахъ „новыхъ путей“ и пѣвцахъ „взбунтовавшагося духа“?

Ну, а гдѣ имѣются жрецы и корифеи—тамъ должна быть и соотвѣтствующая, болѣе или менѣе многочисленная аудиторія. Въ аудиторію эту, правда, многіе идутъ просто изъ любопытства; однако интересъ и даже увлеченіе тутъ также несомнѣнны.

Что же увлекаетъ? Прежде всего желаніе раздѣлаться во что бы то ни стало съ духовнымъ наслѣдствомъ „отцовъ“.

„Молодые“ — здѣсь всюду подъ этимъ словомъ я разумѣю выше названныхъ писателей и ихъ адептовъ — „молодые“, говорю я, открыли боевой огонь по всѣмъ траншеямъ и фортамъ человѣческаго духа: искусство, мораль, философія — все подвергается обстрѣлу во имя якобы новаго уклада мысли и жизни, всему грозитъ неумолимая переоцѣнка.

Начнемъ съ искусства.

Тутъ ищутся—и, говорятъ, уже найдены—*новые мотивы* творчества, для которыхъ нащупываются — и,

увѣряютъ, уже нащупаны — *новыя формы* въ поэзіи, живописи, скульптурѣ и въ сценическомъ искусствѣ.

Какіе же это „новые“ мотивы?

Прежде всего мотивы, неподлежавшіе раньше художественной интерпретаціи по соображеніямъ — какъ увѣряютъ „молодые“ — тартюфскимъ, продиктованнымъ „рабьею“, „мѣщанскою“ моралью. Напримѣръ: „Сладость и красота прелюбодѣянія“; или: „Восторги однополой любви“. Понятно, что эти смѣлыя темы требуютъ и формъ соотвѣтственно смѣлыхъ. Вотъ наудачу два-три образчика новыхъ формъ поэтическаго творчества:

„Она медленно, слегка волнуясь на ходу всѣмъ тѣломъ, какъ молодая, красивая кобыла, спустилась съ крыльца“ — такъ говоритъ Арцыбашевъ о своей умной, талантливой красавицѣ Лидѣ, сестрѣ Санина.

Или: „Лидія... придете — повторилъ Зарудинъ, страстно придавливая къ своимъ дрожащимъ ногамъ ея выпуклое, упругое и теплое бедро“... (Ibid.)

Или, наконецъ, еще: „Нѣтъ, Катя, бѣлизна вашего тѣла — не гипсъ. Это мраморъ, слегка розовый. Это — молоко, влитое въ алый хрустальный сосудъ. Это — горный снѣгъ, озаренный догорающею зарею. Это — бѣлая мечта, пронизанная розовымъ желаніемъ“ — такъ воспѣваетъ одинъ изъ героевъ Соллогуба красоту нагого тѣла. („Навьи чары“, ром. Ѳ. Соллогуба.)

Это вѣдь и въ самомъ дѣлѣ сверхъ-красиво и сверхъ-смѣло; а я, не забывайте, взялъ мѣста еще не особенно яркія и сильныя.

Затѣмъ „новое искусство“ стремится уловить и запечатлѣть словомъ тончайшія движенія души человѣческой, сокровеннѣйшія тайны ея, остававшіяся доселѣ невысказанными за отсутствіемъ надлежащихъ формъ.

Теперь, повторяю, эти формы, какъ говорятъ, найдены, и я проиллюстрирую передъ вами нѣсколько примѣровъ новаго искусства въ стихахъ и прозѣ. Съ кого бы только начать? Глашатаевъ и апологетовъ новизны такъ много сейчасъ у насъ. Да вотъ хотя бы знаменитый Александръ Блокъ. Онъ, очевидно, кого-то ждетъ, и томная муза его безсвязно шепчетъ:

Если только она подойдетъ...
Буду ждать, буду ждать...
Голубой, голубой небосводъ...
Голубая, спокойная гладь.
Кто прикликалъ моихъ лебедей?
Кто надъ озеромъ бродитъ, смѣясь?
Неужели средь этихъ людей
Незамѣтно заря родилась?
Все равно,—буду ждать, буду ждать...
Я одинъ, я въ толпѣ, я, какъ всѣ...
Окунусь въ безмятежную гладь —
И всплыву въ лебединой красѣ

Вотъ и другой — Георгій Чулковъ. О чемъ поетъ онъ? Что волнуетъ его мистически-настроенный умъ? Къ чему рвется его вольнолюбивое сердце? Не знаю, право. Отгадайте сами, если можете; я уступаю мѣсто музѣ его, которая загадочно напѣваетъ:

Свиваются куделью алой
Любовь и смерть въ единомъ спѣ,
И я съ подругою усталой
Качаюсь на сѣдой волнѣ.
И въ часъ предутренній, туманный,
Когда сомкнулися уста,—
Возникла — какъ вожатый странный —
Богорожденная мечта.
То смерть своей косой блеснула

Въ пожарѣ трехъ слѣпыхъ сердецъ
И ядомъ нѣжности дохнула,
И... засіялъ на мнѣ вѣнецъ.

Третій—на этотъ разъ Николай Ге—весь поглощенъ вопросомъ о подлинной сути истинной мудрости и находитъ, что петербургская бѣлая ночь и настоящая мудрость одно и то же. „Бѣлая ночь — таинственно и многозначительно вѣщаетъ его муза — есть бездонное, неуловимо пронзительное созерцаніе. Глубочайшее въ мірѣ, обнаженно живое и стыдное — это живая ночь бытія, то, чего не знаетъ день. Но бѣлая ночь есть обращенная, *иная* ночь; въ бѣлой ночи постигаются глубины, но постигаются не живо, а зіяюще, и нѣтъ стыда, а лишь прозрачная недвижность. Ибо воспринимаются глубины не живой душой, а уже душой обращенной, бѣлоночной. Бѣлая ночь есть мудрость“...

Не довольно ли однако? Нѣтъ, потерпите.

Поэтесса Зиновьева-Аннибалъ заявляетъ, что она не живетъ, а истекаетъ электричествомъ. Тономъ человѣка, постигшаго первоисточникъ жизни, Зиновьева-Аннибалъ повѣствуетъ:

„Каждый нервъ моего тѣла — маленькая электрическая рыбка, и все, что глядитъ—а глядятъ на меня и люди и вещи — прикасается ко мнѣ, всѣмъ я отдаю четкими сухими разрядиками свои токи до изнеможенія, до смерти.“

И вотъ, когда однажды она ѣхала въ вагонѣ желѣзной дороги, и когда „глядѣли“ на нее встрѣчавшіеся на пути люди, животныя, дома, лѣса и т. д., тѣло ея „опустошаясь и отчуждаясь, изнемогало, тускнѣло въ слабыхъ остренькихъ ознобахъ, а душа изъ большой тишины чрезмѣрнаго сочувствія вызволялась, получая

тотъ крылатый, безтѣлесный полетъ, который и есть начало и конецъ всякой жизни"...*)

Подобно поэтессѣ Зиновьевой, истекаетъ... впрочемъ не берусь судить, чѣмъ истекаетъ поэтъ Кузминъ: кому охота знать, пусть прочтетъ его „Картонный Домикъ" и „Крылья" — эти два шедѣвра, эти самыя послѣднія изъ послѣднихъ словъ новѣйшаго искусства...

Если въ цитированныхъ только что рѣчахъ—рифмованныхъ и нерифмованныхъ - что-нибудь для васъ неясно, неуловимо иль загадочно, то не смущайтесь: оно такъ и должно быть. Вѣдь авторы этихъ рѣчей поставили себѣ цѣлью путемъ неизвѣданныхъ еще пріемовъ творчества уловить неуловимое и высказать невысказуемое. Отсюда туманность и неясность ихъ поэзіи, создающія соотвѣтственно неясныя и туманныя настроенія въ душѣ читателя. Прежде мы окрестили бы всѣ такого рода попытки жёсткимъ словомъ—духовное убожество, и прошли бы мимо. Теперь же, въ пору вящшей переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, мы невольно останавливаемся предъ этимъ вычурнымъ, претенціознымъ манерничаньемъ изъ опасенія, какъ бы кто изъ представителей ликующей современности не бросилъ на насъ своего ироническаго взгляда и не промолвилъ бы съ чувствомъ жалости: „Бѣдняга! Онъ не въ силахъ постичь всей прелести писаній Александра Блока, автора отнынѣ безсмертнаго „Балаганчика"!

И вотъ, въ напряженномъ стремленіи уразумѣть высокую миссію того искусства, жрецами котораго являются Блоки, Чулковы, Зиновьевы и Кузмины, я прихожу къ слѣдующему выводу:

---

*) Всѣ эти выдержки (Блокъ, Чулковъ, Ге, Зиновьева) взяты изъ альманаха «Бѣлыя ночи», 1907.

„Реальное“ намъ, очевидно, наскучило; міръ о трехъ измѣреніяхъ пріѣлся Мы ищемъ выхода изъ него и идемъ либо налѣво—въ міръ о четырехъ измѣреніяхъ, въ міръ намековъ и безтѣлесныхъ „ликовъ“; либо направо—въ міръ, такъ сказать, о двухъ измѣреніяхъ, въ міръ наивнаго, упрощеннаго, безперспективнаго творчества. Первое — сейчасъ, какъ и всегда — называется символизаціей, второе — стилизаціей. И символизація и стилизація пробрались, кстати сказать, на драматическую сцену, которая ошеломляетъ даже русскаго зрителя, видавшаго, кажется, всякіе виды, такими перлами сценическаго творчества, какъ только что упомянутый „Балаганчикъ“ Александра Блока. Кому же мало символизма и стилизаціи, тотъ ударяется въ другую область и принимается за quasi-художественное смакованіе сугубо-откровенныхъ сюжетовъ, приправляя свою стряпню соусомъ изъ страшныхъ словъ объ индивидуализмѣ, анархизмѣ и мистицизмѣ.

Къ сожалѣнію иль къ счастью — не знаю право, но и символизмъ, и стилизація въ искусствѣ, и сугубо-откровенное творчество стары, какъ само искусство, какъ само культурное человѣчество. Въ чемъ же дѣло? Почему именно теперь мы стали вдругъ такъ падки на всѣ эти якобы новшества? Почему?...

* * *

„Der Mensch ist Etwas, das überwunden sein muss“, т. е. — человѣкъ есть нѣчто такое, что нужно преодолѣть, превзойти. Этотъ девизъ Ницше интерпретируется у насъ уже давно на всѣ лады, и цѣлый спектръ отвѣтовъ — отъ ультра-краснаго до ультра-фіолетоваго

включительно — дается на него литературою нашихъ дней.

Еще лѣтъ пять-шесть тому назадъ, одинъ талантливый, преждевременно скончавшійся юноша, Гуковскій писалъ въ своемъ дневникѣ: „Современный человѣкъ стремится къ свободѣ, и поэтому онъ не хочетъ знать такихъ словъ, какъ долгъ, обязанности, жертва; слова эти кажутся ему ненужными, устарѣвшими, и онъ хочетъ освободиться отъ нихъ.“ А другой писатель, Пекаторосъ, какъ бы иллюстрируя одинъ изъ уголковъ въ душѣ *такого* современнаго человѣка, говорилъ: „Ему нужна опьяняющая музыка звуковъ и цвѣтовыхъ нюансовъ, запаховъ, вкусовъ и осязаній. Ему нуженъ особый, едва теперь угадываемый новымъ искусствомъ міръ легкій, таинственный, міръ неразгаданныхъ грезъ, создаваемый экстазомъ, опьяненіемъ, міръ, который неизмѣримо лучше обыкновенной грубой природы! И это во всемъ... Нужна теперь мечта, красота, миражъ, *нѣчто сверхъ-чувственное*“...

Итакъ, „современный человѣкъ“, о которомъ здѣсь говорится, хочетъ быть Uebermensch'емъ: сбросить съ себя „ветхаго человѣка“, отрѣшиться отъ „рабьей“ морали, почувствовать себя „внутренно свободнымъ“, „осмѣлиться дерзать“ — таково его страстное желаніе. Намъ говорятъ, что къ тому же стремятся и нынѣшніе „молодые“, и что въ этомъ ихъ надо только привѣтствовать.

Готовы привѣтствовать, ибо вполнѣ раздѣляемъ мысль Иванова-Разумника, что исторія русской интеллигенціи есть исторія борьбы—побѣдъ и пораженій—индивидуализма съ мѣщанствомъ, этическимъ и государственнымъ. Однако тотъ ultra-индивидуализмъ, съ которымъ вошли въ жизнь „молодые“, есть посуществу ultra-мѣ-

щанство, и потому *ихъ* „сверхъ-человѣкъ“ для меня, напримѣръ, непріемлемъ. Попробую объяснить мысль свою.

Есть у поэта Случевскаго—онъ также мѣтилъ когда-то въ Uebermensch'и — есть у него прелюбопытное стихотвореніе. „Пѣсней Гидальго“ называется оно, а въ немъ имѣются такія строки:

Я — художникъ мгновеній!
Я — пѣвецъ настроеній!..
Думъ, отвагой блестящихъ,
Вглубь безумья скользящихъ,
Нѣтъ ни въ комъ, какъ во мнѣ, изобилья!..
Разумъ мнѣ не по нраву,
Жизнь и смерть мнѣ въ забаву,
Я — въ грядущихъ вѣкахъ и въ преданьи,
Созданъ весь изъ изъятій,
Полнъ молитвъ и проклятій,
Въ сердцѣ — вѣчные зори, закаты!..

Вѣдь это нѣчто титаническое, не правда ли? „Созданъ весь изъ изъятій, полнъ молитвъ и проклятій“... А потомъ, эти думы, „вглубь безумья скользящія“, и эти вѣчные сполохи — „зори и закаты“ — въ сердцѣ... Развѣ не титанъ способенъ вмѣстить въ себѣ столь многое, да еще при непремѣнной враждѣ къ разуму? Совершенно таковы и нынѣшніе „молодые“ индивидуалисты — таковы, какъ этотъ фантастически-нелѣпый испанскій дворянинъ поэта Случевскаго.

Ихъ индивидуализмъ — весь въ смѣлости, въ дерзновенности: дерзай, а остальное приложится—таково ихъ credo.

Свободу мысли они уподобляютъ свободѣ отъ мысли. „Разумъ мнѣ не по нраву“, гордо заявляетъ гидальго

Случевскаго. А Санинъ Арцыбашева прямо утверждаетъ, что „міросозерцаніе — всего лишь настроеніе человѣческой личности и притомъ до тѣхъ поръ измѣняющееся, пока у человѣка еще жива душа". И ту же мысль развиваетъ одинъ популярный теоретикъ новаго направлнія. Онъ спрашиваетъ: почему я обязанъ завтра думать такъ же, какъ сегодня? И на свой дерзновенный вопросъ отвѣчаетъ не менѣе дерзновенной проповѣдью „подвижнаго адогматическаго догматизма". Не знаю, чувствуете ли вы всю сверхглубинную глубину этого новаго ученія? Я, по крайней мѣрѣ, кажется, чувствую. „Адогматическій догматикъ" — это вродѣ какъ мимикъ-трансформистъ, отличающійся необычайно подвижною легкостью мыслей. Нынче идеалистъ чистѣйшей воды, а завтра, или даже черезъ минуту, матеріалистъ pur sang— смотря по настроенію!

Не трудно, кажется, понять и психологическую подоплеку этого безшабашнаго протеста противъ міросозерцаній. Послѣдніе годы многіе, особенно среди молодежи, ходили, такъ сказать, въ идеологическихъ намордникахъ. Время было горячее, разбираться въ міросозерцаніяхъ не было ни досуга, ни охоты. Вотъ и приходилось принимать догматически, безъ должной провѣрки, различные программы, требованія, лозунги и т. д. Горячка прошла. Нашло раздумье, и многіе естественно почувствовали недостаточность своего легковѣснаго умственнаго багажа. И раздумье, и тяготѣніе къ болѣе солидному багажу — дѣло хорошее. Но причемъ тутъ престидижитаторство мысли или „адогматическій догматизмъ"? А это, видите ли, въ натурѣ человѣка: принималъ онъ ходячіе лозунги за міросозерцаніе и былъ доволенъ; потомъ прозрѣлъ, узналъ, что лозунгъ, на вѣру принятый, украшенію личности не способствуетъ — и давай ругать *всякое* міросозерцаніе и даже *всякое* стре-

мленіе къ выработкѣ его, какъ рабство мысли, какъ тяжелыя цѣпи, недающія индивиду „свободно выявлять себя“. Отсюда — и пресловутый адогматическій, да притомъ еще „подвижный“ догматизмъ. А потомъ, согласитесь, что въ пренебрежительномъ отношеніи къ разнымъ тамъ міросозерцаніямъ, помимо дерзновенности, чувствуется и красивая поза: всѣ, молъ, міросозерцанія превзошелъ, и всѣ они для меня — играющіе радугой мыльные пузыри, не больше...

* * *

Поза заѣдаетъ „молодыхъ“. Это особенно рельефно выступаетъ изъ ихъ отношенія къ морали.

Они горячо нападаютъ на господствующія въ современномъ обществѣ формы морали. „Люди хотятъ весь міръ обратить въ монастырскую казарму съ однимъ уставомъ для всѣхъ“—заявляетъ Санинъ. „Васъ, идіотовъ, сдѣлавшихъ жизнь невозможной тюрьмой безъ солнца и радости, милліоны!“ восклицаетъ тотъ же Санинъ съ негодованіемъ, въ отвѣтъ на какую-то реплику своего пріятеля, Новикова.

Они горячо проповѣдуютъ неограниченную свободу дѣйствій и чувствъ во имя полноты и богатства индивидуальной жизни; при этомъ свободу дѣйствій они понимаютъ, какъ свободу отъ какой бы то ни было сдерживающей узды, какъ свободу отъ совѣсти, ибо сама то совѣсть, въ ихъ толкованіи, не что иное, какъ дисциплинарное ярмо, наложенное обществомъ на личность.

Они горячо протестуютъ противъ обязательности какихъ бы то ни было императивовъ, ибо думаютъ, что

гдѣ императивъ — тамъ непремѣнно и ограниченность, тамъ „гибнетъ смѣлость, гибнетъ свободная страсть, гибнетъ красота жизни“.

Во всѣхъ этихъ приговорахъ, идущихъ изъ лагеря „молодыхъ“, крупица здравой мысли тонетъ въ красиво сложенной кучѣ вздора.

О, конечно, великолѣпные Санины и ихъ юные — а можетъ быть, и не юные — поклонники и поклонницы *напередъ* считаютъ всякій судъ о себѣ судомъ мѣщанскимъ, судомъ жалкихъ морализаторовъ, въ которыхъ „убита смѣлость, убита свободная страсть, убита красота!“ Но не такъ ужъ страшенъ чортъ...

Мы знаемъ отлично, что есть на свѣтѣ немало „идіотовъ, сдѣлавшихъ жизнь невозможною тюрьмой безъ солнца и безъ радости“; но мы знаемъ также, что есть и другого сорта „идіоты“, которые принимаютъ хорошо вычищенный мѣдный тазъ за лучезарное солнце, а свиной хлѣвъ за чертоги радостной жизни; мы знаемъ отлично, что императивы, навязанные человѣку извнѣ, заслуживаютъ самаго неделикатнаго къ себѣ отношенія; но мы знаемъ и нѣчто иное, а именно, что императивъ, идущій изъ сердца человѣка, составляетъ нераздѣльную, быть можетъ, лучшую часть его индивидуальности, и потому отрицательное отношеніе къ такого рода императивамъ свидѣтельствуетъ лишь о духовномъ убожествѣ гг. отрицателей; ибо, скажите мнѣ, кто, какъ не нищій духомъ, способенъ отрицать „смѣлость, свободную страсть и красоту“ въ подвигѣ, что продиктованъ чувствомъ долга, властными велѣніями совѣсти и чести?

Отрицатели совѣсти и чести договариваются — такъ сказать, съ разбѣгу—до такихъ, примѣрно, благоглупостей: „Нѣтъ ничего на свѣтѣ скучнѣе честнаго человѣка — бравируетъ все тотъ же Санинъ. Программа

честности и добродѣтели всѣмъ извѣстна и въ ней не можетъ быть ничего новаго... Отъ этого старья въ человѣкѣ исчезаетъ всякое разнообразіе, жизнь сводится въ одну рамку добродѣтели, скучную и узкую"...

Есть люди, которые могутъ придти—и, думается мнѣ, приходятъ — въ священный ужасъ отъ этихъ словъ. Не знаю, какъ для кого, но для меня лично подобныя рѣчи—одна сплошная буффонада, и вызываютъ онѣ во мнѣ не священный ужасъ, а довольно таки веселое настроеніе: погарцуй, молъ, голубчикъ, погарцуй — занятно вѣдь смотрѣть, какіе фортели выкидываются якобы во славу „свободной, многогранной и многоцвѣтной личности". Догарцевался же однажды „поэтъ" Яковлевъ до того, что на всю Россію объявилъ:

„Я хочу, я хочу быть порочнымъ...
Вѣрь: и совѣсть и долгъ—только дымъ,
Рабской цѣпи ничтожныя звенья...
Годы, годы служенія имъ
Всѣ не стоятъ минуты паденья...

Поза. Бенгальское освѣщеніе. Зритель до слезъ растроганъ видомъ безстрашнаго ратника за грядущихъ *всѣ*свободныхъ сверхъ-человѣковъ!.. А вѣдь, по совѣсти говоря, весь этотъ демонизмъ или титанизмъ, называйте, какъ хотите, есть посуществу одна лишь хвастливая словестность, правда, соблазняющая неопытные умы и вольнолюбивыя сердца „малыхъ сихъ". О такого рода словесности говорилъ еще Михайловскій и, по обыкновенію, остроумно, ядовито говорилъ. „Это своего рода лицемѣріе навыворотъ, писалъ онъ. Эти неистовые враги добра, отрицающіе совѣсть, проповѣдующіе священную жестокость и проч. и проч. —суть овцы, одѣтыя въ модную волчью шкуру. И если кое-кто изъ нихъ, можетъ быть, и обдѣлываетъ свои

маленькія дѣлишки, опираясь и ссылаясь на *новые* принципы, то дѣлалъ бы то же самое и приспособляясь къ изгибамъ ходячей морали"...

* * *

Вы спросите: почему же „волчья шкура" такъ пришлась по вкусу различнаго рода „овцамъ" именно теперь?

Отвѣчу на этотъ вопросъ въ концѣ. Сейчасъ же хочу обратить ваше вниманіе на тотъ видъ „волчьей шкуры", которому особенно посчастливилось въ послѣднее время.

Я уже нѣсколько разъ отмѣчалъ, что наши Uebermensch'и особенно благоговѣютъ предъ силой, смѣлостью, дерзновеніемъ. У нихъ даже крылатыя слова на этотъ счетъ придуманы. Смѣло--значитъ и умно, дерзновенно —а потому и красиво, сильно—стало быть и морально. Вотъ эта то апологія силы, смѣлости и дерзновенія особенно рельефно сказывается въ вопросахъ о свободѣ чувства вообще и любви въ особенности. Тутъ, въ сферѣ понятій, такъ или иначе соприкасающихся съ вопросомъ о полѣ, идетъ сейчасъ самая безпощадная критика „старыхъ идей", тутъ, я сказалъ бы, наблюдается нѣчто вродѣ переоцѣночной вакханаліи. Нечего и прибавлять,что поза — то смѣлая, то наглая, а то и просто скандальная — занимаетъ и здѣсь огромное мѣсто. Однако наряду съ безобиднымъ и часто забавнымъ позёрствомъ выступаетъ и нѣчто такое, отъ чего непривычнаго, свѣжаго человѣка оторопь беретъ. Напомню хотя бы Кузмина съ его „Картоннымъ домикомъ" или даже романъ Арцыбашева „Санинъ". Вѣдь съ каждой страницы „Санина" выглядываетъ лицо, искривленное пріі-

апической улыбкой; вѣдь здѣсь даже цвѣты таинственно качаютъ головками въ то мгновеніе, когда ихъ задѣваетъ юбка красивой женщины; вѣдь едва ли не о всѣхъ герояхъ и героиняхъ этого романа можно сказать словами самого Арцыбашева: „весь міръ со всѣми его красками, звуками и богатствами куда-то ушелъ, провалился“, и остались лишь *сильный* мужчина да *голая* женщина...

Какъ же понимаютъ нынѣшніе сверхъ-человѣки проклятый вопросъ о полѣ?

Дѣло начинается съ проповѣди гармоніи между душой и тѣломъ: надо, дескать, все устроить такъ, чтобы не было ни аскетизма, ни звѣрства. Попутно, какъ и полагается въ подобныхъ случаяхъ, сочиняются — въ стихахъ и прозѣ — дифирамбы на такую, примѣрно, тему: „люди должны наслаждаться любовью безъ страха и запрета, безъ ограниченій“.

Что-жъ? думаете вы: все это, хотя и не очень ново и даже не очень чтобъ умно, однако прилично и пріемлемо, съ нѣкоторыми, такъ сказать, житейски-обиходными поправками.

Но дальше, въ новомъ переложеніи этой старой темы, чувствуется шаржъ, прорываются истерическія нотки, и дѣло кончается самымъ прозаичнымъ скандаломъ — по крайней мѣрѣ, на мой неутонченный вкусъ, а о вкусахъ, какъ извѣстно, не спорятъ.

Беру все того же отнынѣ классическаго „Санина“.

Арцыбашевъ тенденціозно противопоставляетъ своему любимцу двухъ пошляковъ: Зарубина и Волошина. По моему, разница тутъ лишь въ декорумѣ: всѣ трое прежде всего звѣри; но Волошинъ — животное скабрезное, слюняво-похотливое, вродѣ какъ павіанъ; Зарубинъ—звѣрь, хотя и красивый, но глупый, ординарный; а Санинъ—звѣрь, не только красивый, но и безспорно

незаурядный, даровитый: это и подымаетъ его надъ остальными обитателями арцыбашевскаго звѣринца.

Одинъ изъ членовъ этого звѣринца, Ивановъ, заявляетъ: „Женщина—самка, и это прежде всего... Женщины — это голыя, розовыя, жирныя, безхвостыя обезьяны.“ Санинъ слишкомъ эстетъ, чтобы выражаться такъ плоско. Но взглядъ его на женщину по существу Ивановскій. Вспомните, какія мысли подняла въ душѣ Санина попытка сестры его, Лиды, утопиться: „Ему, пишетъ Арцыбашевъ, вдругъ просто стало страшно, что эта красивая, солнечная, молодая женщина, способная дать счастье многимъ людямъ, уйдетъ въ безсмысленную пустоту“. А чтобы вамъ было ясно, о какомъ здѣсь „счастьи“ идетъ рѣчь, напомню слова, которыми напутствовалъ Санинъ своего пріятеля Новикова, когда тотъ удалился для интимной бесѣды съ Лидой: „Иди, братъ, иди—сказалъ онъ. И я бы пошелъ, еслибъ, къ сожалѣнію, она не была слишкомъ увѣрена въ томъ, что я ей братъ!“ Вы чувствуете, конечно, ту безусловно „новую ноту“, которая прозвучала въ этихъ словахъ. Да, она нова и, дѣйствительно, не привычна для нашего, быть можетъ, недостаточно музыкальнаго слуха...

Проснувшійся звѣрь, вздернувшись на дыбы, удержу не знаетъ. Не знаетъ удержу и стремленіе переоцѣнить всѣ цѣнности въ цѣляхъ реабилитаціи звѣря. Оно, это стремленіе, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ однополой любви, а лакействующій разумъ, отданный на службу похотямъ, находитъ оправданіе для этой новой формы „выявленія“ свободной личности.

„Всѣ равны передъ любовью и красотою“, написано въ книжкѣ Кузмина „Крылья“. Всѣ тѣла прекрасныя равны, и только похоть заставляетъ мужчину гоняться за женщиной, и женщину жаждать мужчину“... Это —

оправданіе „противоестественнаго“ съ точки зрѣнія этики и эстетики.

Еще написано въ книжкѣ Кузмина слѣдующее:

„Бываетъ, говорятъ, что и женщина — женщину любитъ, и мужчину—мужчина. Да и повѣрить не трудно: развѣ Богу невозможно вложить и эту занозу въ сердце человѣчье? Трудно противъ вложеннаго итти, да и грѣшно, можетъ быть.“

А это, какъ видите, своего рода теодицея—оправданіе „противоестественнаго“ съ религіозно-мистической точки зрѣнія.

Наконецъ, еще всё въ той же книжкѣ можно прочесть слѣдующее:

„И люди увидѣли, что всякая красота, всякая любовь отъ боговъ, и стали свободны и смѣлы, и у нихъ выросли крылья.“

Это уже оправданіе „противоестественнаго“ во имя индивидуализма — во славу свободныхъ и смѣлыхъ сверхъ-человѣковъ съ крыльями...

Итакъ, резюме: однополая любовь чище, прекраснѣе, выше любви двуполой, ибо въ ней—всеогрязняющій половой инстинктъ отсутствуетъ.

А вѣдь остроумно, не правда ли? На столько остроумно, что минутами мы готовы согласиться съ чудаками, которые утверждаютъ, что у Кузмина все это, надо полагать, неспроста, что его надо понять — ибо нельзя же думать, будто онъ пишетъ съ единственною цѣлью: учинить скандалъ...

* * *

Въ аккордѣ современныхъ настроеній довольно громко звучитъ одна нотка, смыслъ которой прекрасно передается слѣдующимъ стихотвореніемъ Минскаго:

Есть храмъ. Всѣ двери заперты,
Засовы всѣ задвинуты.
И мы стоимъ на паперти,
Забыты и отринуты.
Мы слышимъ смутно пѣніе,
Что издали доносится.
Не зная, въ чемъ служеніе,
О чемъ въ мольбахъ тамъ просится.
Мы видимъ дымъ отъ ладона,
Что вьется сквозь отдушины.
Но тайна не разгадана,
Молитвы не подслушаны.*)

Вы догадываетесь, конечно, о чемъ скорбитъ элегичная муза Минскаго? О неразгаданной тайнѣ жизни и смерти и о безсиліи человѣка передъ ней.

Какъ это не странно, но часто вопросы о радостяхъ любви и чувственныхъ удовольствіяхъ невидимымъ клубкомъ вплетаются въ темы религіозно-мистическаго характера. То же и теперь: жизнь, смерть и любовь — излюбленныя темы современности. Das ist eine alte geschichte... Очевидно, тайна рожденія соприкасается съ тайнами жизни и смерти.

Uebermensch'и нашихъ дней, подобно символическимъ „мы“ поэта Минскаго, стоятъ на паперти запертаго наглухо храма и вопрошаютъ: Въ чемъ цѣли мірозданья? Какова въ немъ роль человѣка? Въ чемъ смыслъ нашей жизни? Зачѣмъ она? И отвѣты получаются все скептическіе, мрачные, порой исполненные

*) Это стихотвореніе Минскаго, равно какъ приведенныя выше стихотворенія Случевскаго и Яковлева, а также и выдержки изъ Гуковскаго и Пекатороса взяты мною изъ II-го тома «Послѣднихъ сочиненій» Н. К. Михайловскаго.

безпросвѣтнаго пессимизма. Ужъ на что, казалось бы, жизнерадостный и даже веселый человѣкъ Санинъ! А между тѣмъ червь гложетъ и его. „Золотого вѣка никогда не можетъ быть, говоритъ онъ... Человѣкъ стоитъ на вѣчномъ пути, и мостить путь къ счастью все равно, что къ безконечному числу присчитывать новыя единицы... — Значитъ все пустота? Значитъ „ничего“ нѣту? спросилъ его съ мучительной тоской въ голосѣ наивный идеалистъ, Соловейчикъ. — Я думаю: ничего — отрѣзалъ Санинъ.“

И этотъ „нигилизмъ“, какъ нѣкогда нигилизмъ тургеневскаго Базарова, естественно разрѣшается лозунгомъ: — А потому „Es lebe das Leben“, да здравствуетъ жизнь, красочная жизнь личности, въ себѣ самой черпающей и наслажденіе и оправданіе своего существованія.

„Моя жизнь — это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами — чортъ съ нимъ, восклицаетъ Санинъ... Я знаю одно, я вижу и хочу, чтобы жизнь не была для меня мученіемъ... Для этого надо прежде всего удовлетворять свои желанія... Желаніе это все: когда въ человѣкѣ умираютъ желанія—умираетъ и его жизнь, а когда онъ убиваетъ желанія—убиваетъ себя! — Но желанія могутъ быть злыми? сказалъ Юрій. — Можетъ быть. — Тогда какъ? нерѣшительно спросилъ Юрій. — Такъ же, — ласково отвѣтилъ Санинъ и посмотрѣлъ въ лицо Юрія свѣтлыми, немигающими глазами.“

Не такими „свѣтлыми глазами“ смотрятъ на мучительный вопросъ о смыслѣ человѣческой жизни сверстники Санина, хотя бы несчастный герой Андреевской „Тьмы“. Ужасъ жизни сбилъ его окончательно съ толку, и онъ, въ пьяной злобѣ на все то свѣтлое, что со-

ставляло святая святыхъ души его, подымаетъ бокалъ за слѣпыхъ отъ рожденія. — „Зрячіе! восклицаетъ онъ, выколемъ себѣ глаза, ибо стыдно зрячимъ смотрѣть на слѣпыхъ отъ рожденія. Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, такъ погасимъ же огни и полѣземъ въ тьму. Если нѣтъ рая для всѣхъ, то и для меня его не надо — это ужъ не рай, а проото напросто свинство. Выпьемъ, дѣвицы, за то, чтобы всѣ огни погасли. Пей, темнота!“...

Итакъ, на вѣковѣчный вопросъ — въ чемъ смыслъ человѣческаго существованія, „молодые“ даютъ два стереотипныхъ отвѣта. Одинъ изъ нихъ ликующе взываетъ: Да здравствуетъ жизнь! Другой зловѣще откликается: Погасимъ же огни, и всѣ полѣземъ въ тьму. И оба они санкціонируютъ общественный индифферентизмъ... Да, санкціонируютъ, ибо услужливый разумъ можетъ всегда и для всего подыскать приличную санкцію. Однако, нужно быть дѣйствительно слѣпымъ, чтобы не видѣть, что санкція разума дана тутъ, такъ сказать, заднимъ числомъ: люди, къ добру и злу отъ природы равнодушные, хотятъ увѣрить всѣхъ въ томъ, что равнодушіе ихъ — продуктъ глубокихъ думъ и размышленій. На самомъ же дѣлѣ, всю аргументацію тутъ надо поставить навыворотъ: равнодушіе къ добру и злу диктуетъ разуму доказательства тщетности нашихъ стремленій къ добру и нашихъ негодованій на зло.

* * *

Читатель уже замѣтилъ, конечно, что нынѣшніе „молодые“ считаютъ себя убѣжденными индивидуалистами. Не знаю, какъ обстоитъ дѣло съ ихъ индивидуализ-

момъ въ жизни; но въ литературѣ — въ *ихъ* литературѣ — индивидуализмъ этотъ, повторяю, довольно таки не высокаго сорта и отдаетъ подлиннымъ мѣщанствомъ.

„Пьянственный пѣвчій“ изъ арцыбашевскаго „Санина“ — кстати будетъ замѣтить, что въ романѣ этомъ всѣ герои-индивидуалисты обязательно пьянствуютъ, надо полагать, въ цѣляхъ наглядно-активнаго протеста противъ „рабьей морали“, осуждающей нетрезвую жизнь — такъ пьянственный пѣвчій Арцыбашева слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ свое, такъ сказать, этико-соціальное credo: „Человѣкъ долженъ быть генералъ! восклицаетъ онъ... Одинъ старъ, пьянъ и бѣденъ, какъ я, тотъ — генералъ въ душѣ; а кто молодъ и силенъ, тотъ генералъ и въ жизни... Всякому свое... А такихъ людей, которые хнычутъ... трусы... такихъ я остерегаюсь называть людьми“...

Итакъ, можно, не остерегаясь, называть *людьми* лишь тѣхъ, кто не хнычетъ, не трусъ, кто, словомъ, „генералъ“, генералъ, если не въ жизни, то хоть въ душѣ.

Если брать эту мысль, независимо отъ того конкретнаго содержанія, которое въ нее вкладываютъ „молодые“, то вы не найдете тутъ, конечно, ничего особеннаго; мысль, какъ мысль — немудреная, достаточно таки заѣзженная, но справедливая: безспорно, трусы и нытики мало отвѣчаютъ гордо звучащему слову „человѣкъ“; безспорно, высокому сану людей болѣе приличествуетъ психологія „генерала“, которому нѣтъ необходимости считаться съ разными тамъ традиціонными нормами и регламентами, который, подобно одному изъ героевъ гоголевской Диканки, всегда и вездѣ „самъ себѣ голова“. Бѣда то однако въ томъ, что, на языкѣ „молодыхъ“,

„хныкать“, „быть трусомъ“, „быть генераломъ“ означаетъ нѣчто особенное.

Въ ихъ толкованіи „хныкать“ — значитъ вообще размышлять, рефлектировать, испытывать душевную дисгармонію, создаваемую конфликтами между умомъ и сердцемъ, между чувствами различнаго маштаба и порядка.

Въ ихъ интерпретаціи „быть трусомъ“ — значитъ вообще находиться подъ вліяніемъ задерживающихъ центровъ головного мозга, подчиняться велѣніямъ совѣсти и чести, которыя, какъ мы уже знаемъ, для „молодыхъ“ все одно, что каноны „рабьей морали“.

На ихъ языкѣ „быть генераломъ“ — значитъ осуществлять ту самую формулу жизни, которая нашла для себя классическое выраженіе въ словахъ: „ндраву моему не препятствуй“; „быть генераломъ“ — значитъ дать вольную волюшку всѣмъ своимъ желаніямъ и страстямъ.

Словомъ, въ той альтернативѣ, о которой когда-то говорилъ еще Паскаль: — „одни рѣшили отречься отъ страстей и стать богами, а другіе отречься отъ разума и стать скотами“, — въ этой альтернативѣ „молодые“ избрали себѣ благую часть: отреченіе отъ разума во имя свободы страстей, которую они почему-то уподобляютъ свободѣ личности. Точно личность соткана лишь изъ однихъ страстей, да еще такихъ страстей, которыя воспѣваются въ „Санинѣ“ Арцыбашева, въ „Навьихъ чарахъ“ Соллогуба, въ „Крыльяхъ“ Кузмина. Точно личность, отдавшаяся всецѣло во власть ничѣмъ не сдерживаемой игры инстинктовъ, есть дѣйствительно красочная, гармонично развитая, свободная личность? Точно лучше быть рабомъ своихъ инстинктовъ, чѣмъ рабомъ мѣщанской морали! Оно, положимъ, выглядитъ

какъ-будто интереснѣе, „красивѣе“, если человѣкъ клонится и качается, какъ былинка подъ чарами любви, чѣмъ если онъ отказывается, напримѣръ, отъ близости съ дѣвушкой, которую не думаетъ взять себѣ въ жены. Не нахожу, однако, чтобы такого рода „интересность“ и „красота“ способствовали бы украшенію личности и ея освобожденію.

Мнѣ кажется, что альтернатива быть либо „богами“ либо „скотами“ не прельщаетъ подлинныхъ, живыхъ людей — людей съ дѣйствительно сложною, красочною душою, людей, которые готовы вмѣстѣ съ Фаустомъ сказать:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust...
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt mit klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefühlen hoher Ahnen*).

Правда, тутъ не мыслимы ни безоблачное душевное равновѣсіе, доступное лишь „богамъ“, ни безмятежное, чуждое какихъ бы то ни было рефлексій, прозябаніе, достойное лишь „скотовъ“. Но здѣсь за то ни на минуту не покидаетъ стремленіе къ той высшей свободѣ, которая должна будетъ примирить „двѣ души“ человѣка, должна будетъ объединить въ стройный и звучный аккордъ всѣ элементы этой двуединой души. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ гармоничномъ аккордѣ будутъ звучать едва ли не сильнѣе, чѣмъ сейчасъ, тѣ

*) То есть, въ вольномъ переводѣ Холодковскаго:
Ахъ, двѣ души живутъ въ больной груди моей...
Изъ нихъ одной мила земля —
И здѣсь ей любо, въ этомъ мірѣ,
Другой небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эфирѣ.

именно нотки, противъ которыхъ особенно ополчаются „молодые“: я разумѣю запросы совѣсти и чести. Этика, какъ всякому хорошо извѣстно, необходимо предполагаетъ *самоограниченіе* личности въ интересахъ *другихъ* личностей. Вотъ почему, въ отвѣтъ на всѣ истерическія выкрикиванія „молодыхъ“ противъ узъ, налагаемыхъ на личность моралью, слѣдуетъ отвѣчать словами Н. К. Михайловскаго: „Нравственность начинается тамъ, гдѣ человѣкъ надѣваетъ на себя какую бы то ни было узду, соглашается поступиться чѣмъ-нибудь изъ своихъ желаній во имя чего-либо высшаго, святого; до этого момента мы имѣемъ только нравы. А кончится нравственность въ томъ идеальномъ, пожалуй, божественномъ мірѣ мечты, гдѣ человѣку не придется отказываться ни отъ одного изъ своихъ желаній, и гдѣ поэтому Діонисъ можетъ ходить нагишемъ“.

„Молодые“, вопреки здравому смыслу — ибо разумъ имъ вѣдь не по нраву! — переносятъ этотъ „идеальный міръ мечты“ въ современную юдоль скорби, плача и скрежета зубовнаго и прогуливаются себѣ „нагишемъ“, какъ ни въ чемъ не бывало, среди людей, затянутыхъ въ мундиры сильною вражеской рукой. Зрѣлище, конечно, любопытное и — въ виду смягчающихъ вину обстоятельствъ („разумъ не по нраву!“) — заслуживающее снисхожденія.

Но при чемъ тутъ свобода личности, индивидуализмъ и иныямъ подобныя жупельныя слова? Мнѣ кажется, ровно не причемъ — развѣ такъ, для лубочной декораціи...

Современные „молодые“ считаютъ себя убѣжденными индивидуалистами. На мой взглядъ, они — просто мѣщане, мѣщане худшаго сорта. И въ самомъ дѣлѣ. Если все однобокое, узкое, плоское есть мѣщанство, то развѣ не ультра-мѣщане всѣ тѣ, кто, драпируясь въ пыш-

ныя, яркоцвѣтныя тоги, чуть ли не весь смыслъ человѣческаго существованія видятъ въ радостяхъ, живописуемыхъ смѣлою кистью Арцыбашевыхъ, Соллогубовъ, Кузминыхъ?...

* * *

Возвращаюсь напослѣдокъ къ поставленному мною раньше вопросу.

Почему мы такъ падки сейчасъ на новшества?

Попробую отвѣтить, хотя бы схематично, на этотъ нелегкій вопросъ, исходя изъ нѣкоторыхъ положеній, установленныхъ Н. К. Михайловскимъ

Человѣкъ — существо чрезвычайно сложное: въ немъ какъ бы спаяно въ нѣчто цѣльное, единое и самодавлѣющее много сознаній, до извѣстной степени подчиненныхъ другъ другу. Это цѣльное и единое мы называемъ индивидомъ, личностью, „я“.

Чѣмъ прочнѣе и централизованнѣе связь между отдѣльными сознаніями, составляющими наше „я“, тѣмъ здоровѣе и счастливѣе чувствуетъ себя это „я“, личность. И наоборотъ: нездоровье, упадокъ душевныхъ силъ, моральная угнетенность свидѣтельствуютъ о распаденіи индивидуальности, о *децентрализаціи нашего „я“*.

Все, что нарушаетъ правильную, координированную работу различныхъ сторонъ человѣческаго духа (и тѣла, конечно), все, что съуживаетъ формулу человѣческой жизни — односторонне направляетъ работу мысли, парализуетъ размахъ воли, ограничиваетъ кругъ духовныхъ запросовъ и интересовъ, — все это, въ большей или меньшей степени, децентрализуетъ и человѣческое „я“.

Минувшіе два-три года принесли россіянину — особенно молодежи — много острыхъ переживаній; а наступившая затѣмъ реакція страшно вновь съузила развернувшуюся было формулу жизни. И то, и другое расшатало личность, способствовало ея децентрализаціи: связь между отдѣльными элементами „я“ понизилась, душевная работа пошла вразбродъ, сознаніе до извѣстной степени съузилось, воля ослабла. А хорошо извѣстно, что расшатанное, децентрализованное „я“ становится весьма воспріимчивымъ къ односторонне направленнымъ, кричащимъ вліяніямъ; хорошо извѣстно, что состояніе ослабленнаго сознанія и пониженной воли — самая благопріятная среда для гипноза и самогипноза всевозможными „новыми настроеніями“.

Итакъ, мы можемъ сказать, что минувшіе годы сильныхъ переживаній и послѣдовавшая за ними реакція *психологически отпрепарировала* часть нашей молодежи — да и не молодежи только — для повышеннаго интереса и даже увлеченія всякаго рода „новыми словами“ и „волчьими шкурами“.

Такая спеціальная отпрепарировка людей имѣла ужъ неразъ мѣсто въ исторіи человѣчества. Во Франціи, напримѣръ, въ эпохи наиболѣе острой реакціи, послѣ революціи 48 года и послѣ славныхъ дней коммуны, „новыя слова“ расцвѣтали пышнымъ цвѣтомъ, а пророки „новыхъ словъ“ улавливали въ свои сѣти не малое число наивно-довѣрчивыхъ душъ. Теперь жребій палъ, очевидно, на нашу родину.

Понятно, что, послѣ всего ею пережитого, многимъ хочется отдохнуть — остановиться и одуматься. Другимъ, наоборотъ, не до отдыха. Они такъ разбѣжались, что остановиться не могутъ: имъ хочется новыхъ ощущеній — еще болѣе острыхъ, еще болѣе жгучихъ, еще болѣе сильныхъ и смѣлыхъ. А что ужъ, кажется, можетъ быть

острѣе чувственныхъ удовольствій, доведенныхъ до психологическаго абсурда — до однополой любви, воспѣваемой Кузминымъ? Или что можетъ быть смѣлѣе и сильнѣе эксцессовъ революціонной романтики, также доведенной до своего логическаго конца — до революціонной рокамболевщины? И эти уродства, эти эксцессы находятъ почву въ жизни данной минуты: имѣютъ своихъ представителей, — словесниковъ и дѣйственниковъ — имѣютъ своихъ пророковъ, адвокатовъ, послѣдователей. И все это идетъ, гордо поднявши голову, подъ флагомъ революціи духа...

Есть въ „новыхъ настроеніяхъ“ нѣчто безспорно жизнедѣятельное и жизнеспособное. Это — неумирающее въ человѣкѣ стремленіе ввысь, къ новымъ, болѣе совершеннымъ формамъ личнаго и общественнаго бытія. Но это положительное „нѣчто“ буквально тонетъ въ той мути и накипи, которая привнесена въ жизнь событіями минувшихъ дней.

Разбушевалось море жизни, высоко взлетѣла революціонная волна — взлетѣла, вспѣнилась на гребнѣ, подняла со дна и муть. Но буря улеглась, а муть все виситъ еще въ водѣ; плаваетъ и накипъ на поверхности подернутаго мелкой рябью моря. При свѣтѣ факеловъ смердящихъ и огоньковъ блуждающихъ вся эта накипь отливаетъ мутнымъ блескомъ призрачной свободы, иллюзорной красоты и фиктивной силы.

Свобода, сила, красота — святыя, но захватанныя нечистыми руками слова!...

Мы, „старики“, высоко цѣнимъ свободу личности: пусть блещетъ гранкою алмаза и отливаетъ всѣми тонами радуги, пусть излучаетъ свѣтъ и тепло на все, достойное имени человѣка — тѣмъ лучше для нея, тѣмъ лучше и для насъ, непреклонныхъ защитниковъ индивидуализма.

Мы, „старики“, благоговѣйно склоняемся передъ всякимъ искреннимъ и смѣлымъ порывомъ души — передъ могучимъ полетомъ мысли, передъ созданіемъ поэтическаго генія, передъ красотой безстрашнаго подвига, передъ величіемъ глубокаго чувства. Но... „Балаганчики“, какими-бы пышными именами они не величались.... простите, не по насъ...

